НАТАЛИЯ РОМАНОВА

НАЗОВУ СВОЕЙ

Наталия Романова

Назову своей

«Наталия Романова»

2022

Романова Н.

Назову своей / Н. Романова — «Наталия Романова», 2022

Если полковник хочет стать генералом, он не может оставаться холостяком. Получив на это «тонкий» намёк от начальства, Игнат решает жениться на подходящей женщине. На той, которую подобрали ему родные – так проще и удобнее. А любовь? Стерпится – слюбится. Но, оказывается, не всё так просто даже в договорном браке.

© Романова Н., 2022
© Наталия Романова, 2022

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 12
Глава 4 17
Глава 5 22
Глава 6 27
Глава 7 32
Глава 8 37
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Наталия Романова
Назову своей

Глава 1

Рассветное небо налилось багрянцем, готовясь впустить новый день. Запах стоял оглушающий – насыщенная свежесть, прелость леса, луговые травы, омытые утренней росой. Не успел Игнат потянуться, расправив плечи после душного вагона, как окружающая картина поменялась. Высь стала белёсой, а к тому времени, как подошёл к стоянке такси – голубой.

Игнат огляделся – всего несколько машин, водители некоторых спали. Всем известно – под утро самый крепкий сон. В один из автомобилей набилось три человека, они о чём-то оживлённо беседовали. Игнат подошёл, постучал пальцем по стеклу, привлекая внимание, тут же выбрался мужик, окинул оценивающим взглядом.

– Командир, в Кандалы[1] поедем? – спросил Игнат, отвечая на немой вопрос.

– Чего ж не поехать? – деловито кивнул тот и обратился к кому-то в машине: – Саня, Сань! В Кандалы вона, поедешь?

– Ага, – вывалился из машины парень, по всей видимости, Саня.

– Две пятьсот только, – обратился «командир» к Игнату. – Слышь, Саня? Две пятьсот, не меньше.

– Две пятьсот, так две пятьсот, – кивнул Игнат.

Деньги небольшие, а автобуса можно и не дождаться, он по расписанию ходит: дождь через дождь. Спустя минуту подкатил УАЗ, из окна приветливо улыбался Саня, приглашая в салон. Игнат кинул на заднее сиденье небольшую спортивную сумку, сел на переднее, устроился удобнее, кивнул, давая понять, что пора бы трогаться.

Поначалу дорога вилась гладкой асфальтовой лентой, в жизни не скажешь, что трасса эта – всего лишь регионального значения, пролегает в глубине Сибири – красота, да и только.

– Здесь шишак из Москвы, говорят, дачу построил, – пояснил Саня. – Сейчас цивилизация закончится, – гоготнул он, поглядывая на Игната с нескрываемым, прямо-таки исследовательским интересом.

Игнат взгляды пацана игнорировал. Действительно ведь пацан – с большой натяжкой двадцать два года. Игнату приходилось таких под пули отправлять, самому в этом возрасте под обстрел лезть, но Саня, видно, от мамкиной юбки ещё не оторвался. Белобрысый, лопоухий, худой, лупоглазый, с любопытным взглядом бестолкового щенка.

– А в Кандалы зачем? – спросил Саня, когда свернули на относительно ровную гравийку, что бежала сквозь высокий кедрач.

– К родственникам.

Саня присвистнул, сосредоточенно уставился на дорогу, потом не выдержал, снова посмотрел на Игната, как на экспонат в музее, почесал макушку.

– Ты из этих? – с любопытством выпалил Санёк.

– Каких «этих»? – сделал вид, что не понял Игнат.

– Староверов. Или старообрядцы правильно?

– Едино. Из этих, – согласился Игнат и подмигнул обалдевшему пацану, отчаянно пялившему на него глаза. – Жениться еду.

– А-а-а, – глубокомысленно протянул Саня.

Игнат усмехнулся про себя.

---

[1] Кандалы – выдуманное название населённого пункта.

– Вам только на своих можно жениться? – продолжил любопытничать Санёк.

– Не только.

Что ответишь? Действительно «не только». Стараются на своих, заранее договариваются, знакомятся через проверенных людей, следят, чтобы родства до восьмого колена не было, не были «связаны крестом», но неволить никто не станет. Особенно тех, кто в миру живёт – жизнь на месте не стоит, прогресс не остановишь.

Игната кто неволил? Никто. Сам решил, добровольно. Вышел из кабинета начальства, где доходчиво объяснили, что ни новой должности, ни нового звания, несмотря на заслуги перед родиной, включая операции, за которые награждали, полковнику Калугину не светит. Кровь проливать можно, под пулями в грязи и говне торчать – полагается, а выше головы прыгать – недозволенно.

И Игнат принял решение жениться.

– Ты представляешь, во сколько государству обойдётся твоё обучение? – якобы по-отцовски сказало начальство. – А выхлопа – ноль.

Всё правильно, если человек в личной жизни навести порядок не может, какой из него командир? Офицер ФСБ должен быть морально- и стрессоустойчив, гарантия этого – наличие семьи. Это от любого капитана ждут, а Калугин вкрай оборзел: на генерал-майора нацелился. До поры до времени за личные заслуги и уважение к отцу, на раздолбайство Игната смотрели сквозь пальцы, однако, при случае прижали.

Герой – героем, но женатым быть обязан. С кем хочешь, с тем семью и создавай, если это женщина, конечно. Главное, чтобы не стриптизёрша или эскортница – репутацией офицера задницу подтирать не рекомендуется. Чтобы не инагент и не принадлежит внесистемной оппозиции: по сравнению с последним, первое простится, как детская шалость.

Калугин взял под козырёк, написал заявление на отпуск и отправился создавать угодную федеральной службе безопасности ячейку общества. Правда, сначала поскандалил с отцом, генерал-полковником в отставке, понимая, откуда надул ветер «семейного счастья». Перетерпел пытку задушевной беседы с матерью, которой холостое положение сына поперёк горла стояло. А потом отправился жениться на «своей». Добрые люди подыскали кандидатуру.

Двадцать восемь лет, по фотографиям в социальных сетях – очень даже симпатичная. Разведённая, с пацанёнком трёх лет, недостатком Игнат это не считал. Наоборот, нахлебалась в прошлом браке, сговорчивей будет, а что ребёнок у неё – то отлично, значит, женщина здоровая, родит и ему детей.

На невинности невесты, её опыте Игнат не зацикливался, жениться он собрался не для галочки, если уж прижали, а для полноценной семейной жизни. Поэтому хотел нормальную жену, а не малолетку с розовым киселём в голове и перманентными истериками вместо мозгов.

Наставники[2] брак между Игнатом и Любовью – так её звали, – одобрили. Первый муж возражений не высказывал. Родители благословили. Большего Калугину было не нужно.

Почему Игнат решил жениться именно на единоверке, он и сам объяснить не мог, ведь не было у него никакой веры ни в душе, ни в сердце, ни в жизни. Знал о старообрядчестве ровно столько, сколько рассказывала мать – доктор исторических наук, профессор кафедры Истории Церкви, и отец – потомок крепкого верой рода. Сам же не верил ни богу, ни черту, ни попам, ни беспоповщинее.

И всё же, когда вопрос встал ребром, сомнений не возникло. Подняли голову азы воспитания, полученные в семье, махровые убеждения, покрытые паутиной памяти предков.

– Правда, что у вас попов нет? И бесы по улицам ходют? – продолжил любопытствовать Саня, Игнату стало смешно, даже на ноги глянул в кроссовках, мало ли, вдруг копыта выросли.

[2] Наставник – (здесь) – старейшины, начетчики – духовные отцы, которые стоят во главе приходов, общин, сообществ.

– Поп – как расшифровывается? Пастырь овец православных. А православных, считай, не осталось, лишь никониане[3] землю русскую топчут. Пастырей всех бесовы слуги уничтожили, вот и нет у нас попов, – утробным гласом проговорил Игнат, борясь со смехом, уж слишком забавно Саня пучил глаза и открывал удивленно рот.

Саня сидел, ни жив ни мёртв, глядел поочерёдно то на разбитую вдрызг дорогу, то на пассажира, вещающего поставленным голосом о бесах, попутавших патриарха Никона, о протопопе Аввакуме, принявшем мученическую смерть во имя истинной христианской веры, о расхождениях в основополагающих обрядах – Крещении, Миропомазании, Покаянии…

Не зря Игнат до полковника дослужился, сейчас легко смог бы раба божьего Александра в староверы завербовать. Не просто так грел уши, когда мать за горячительным, в пылу исторического спора с коллегами, доказывала значение старообрядчества для русской культуры.

Пригодилось – сидел Санёк, глазёнки пучил, с силами собирался, чтобы не развернуться, не рвануть обратно на железнодорожную станцию, подальше от богом забытого села, некогда принадлежавшему леспромхозу, а с конца девяностых годов – считай никому.

Потому дорогу в Кандалы и не строили: старая, которую провели ещё при Союзе, развалилась, а на новую у властей денег не находилось. Несмотря на многочисленных жителей, большинство из которых были те самые, полумифические староверы.

Кедрач закончился неожиданно, в одно мгновение УАЗ выскочил из тенистого леса на широкую, раскатанную тракторами дорогу, с большими домами, высокими деревянными заборами по обе стороны.

– Куда? – трясясь от страха, спросил Саня.

– Прямо, через три дома в проулок сверни, там покажу.

Саня притормозил там, где велено, поёрзал, покосился на пассажира, отсчитывающего полагающиеся две пятьсот за труды. После посмотрел на крыльцо справного, современного двухэтажного сруба, открыл рот, не сумев сдержать эмоций.

Игнат сам бы не удержался, если бы не знал, как облупленного, того, кто появился на пороге. Дверь дома отворилась и наружу ступил здоровенный детина под два метра ростом, косая сажень в плечах, в светлой рубахе-косоворотке, широких льняных штанах, с огромной, окладистой бородой-лопатой.

Подойдёт такой, велит покаяться в грехах, и станешь каяться, даже трусы вытряхнуть от продуктов жизнедеятельности забудешь.

– Я поеду? – промычал Саня.

– Ступай, сын мой, – величественно ответил Игнат, зачем-то приложил ладонь ко лбу несчастного, надавил что было силы, тут же шлёпнул с оттягом и выскочил на улицу, давясь смехом.

УАЗик рванул по узкому проулку, между кустов крапивы, полыни, распугивая кур, гусей и полусонных поросят. Игнат ржал, как конь, уже не стесняясь, перегибался пополам, хватался за живот.

– Ну, здорово, разведка, – услышал он басистый, под стать телосложению, голос старшего брата.

– Здорово! – протянул он руку в ответ.

– Неужто, правда, жениться надумал?

– Надумал. На дочке Барханова, Любе, знаешь такую?

– Знаю, знаю. Да, вон она идёт.

---

[3] Никониане – Никониа́нство (также никониа́нский раскол, никонианская ересь, новообрядчество) – термин с отрицательной оценочной коннотацией, используемый приверженцами старообрядчества в отношении сторонников богослужебной реформы в Русской церкви XVII века.

Глава 2

Игнат проснулся рано, что называется, с петухами. Сначала не понял, что за звуки несутся в открытое окно, спросонья решил – телевизор надрывается. Но быстро сориентировался в ситуации, довольно потянулся, огляделся.

Просторная комната, полутораспальная кровать из натурального дерева с ортопедическим матрасом, высокие комоды вдоль стен, платяной шкаф в углу. На окнах простые шторы, без ламбрекенов и прочих завитушек, растения в цветных горшках на подоконниках.

Раз проснулся, значит, надо вставать. День впереди длинный, планы какие-никакие имелись, главное – познакомиться поближе с Любой. Накануне, сразу по приезду, Люба шла по проулку по своим делам, остановилась, чтобы поприветствовать соседей, задержала взгляд на Игнате.

В том, что она его узнала, сомнений не было, как и в том, что поняла, зачем он пожаловал. Игнат хотел было перемолвиться парой слов с потенциальной женой, но одёрнул Фёдор, тот самый брат, к которому приехал Игнат:

– Нехорошо это, – шепнул он.

Игнат сразу вспомнил, где находится. Замашки современного мира и избалованного женским вниманием мужика стоит оставить при себе. Придёт время, тогда и поговорит с Любой, а пока достаточно вежливого приветствия.

Игнат знал, Люба набожной не была, давно жила в миру, как уехала в семнадцать лет в Новосибирск, так там и осталась. Закончила колледж на экономиста, поступила на заочное в институт, одновременно работала и жила полной жизнью молодой девушки в большом городе.

После вышла замуж, как это часто бывает, не спросив родителей, особенно отца. За единоверца, только муж был из другого согласия[4], тоже беспоповского[5], из поморцев[6]. Обе семьи рады не были, но противиться не стали, тем более, у брака имелась «уважительная причина», которая того и глади полезет на нос.

Причины развода Люба не называла, в переписке Игнат лезть в душу не собирался, да и в принципе не хотел. Нечего прошлое ворошить, смотреть надо в новый день. Официально разводы не приветствовались, какого супруга господь послал, с тем жить следовало, только люди – не роботы, тем более в двадцать первом веке, по чужой указке мало кто жить согласен. Родители испросили у наставника разрешения на развод дочери уже через год после официального и сейчас подыскивали нового мужа Любе, в этот раз точно своего согласия, чтобы без сюрпризов. Нажилась самостоятельно, достаточно!

Игнат, несмотря на то, что родился и жил в миру, женихом считался завидным. При должности, погонах, деньгах: государство не скупилось, оплачивая «услуги» Калугина. Из известной в их краях семьи. К тому же, два родных брата Игната жили тут же, в Кандалах, отец приезжал, да и сам Игнат навещал родственников. Не чужаки, одним словом.

Так что дело, считай, решённое. Осталось только молодым между собой договориться, но в этом-то Игнат не сомневался. Люба ему приглянулась. Невысокая, полноватая в нужных местах. Платье из вискозы обхватывало налитую грудь, опускалось на небольшой женский животик, струилось по крепким бёдрам и заканчивалось у круглых, аккуратных коленок.

---

[4] Согласие – группа объединений христиан в старообрядчестве, придерживающаяся той или иной разновидности вероучительной и обрядовой практики.

[5] Беспопо́вство (беспоповцы) – одно из двух основных направлений русского старообрядчества, последователи которого не имеют духовенства.

[6] Поморцы – одно из согласий беспоповского толка. РФ зарегистрировано 288 старообрядческих религ. организаций разных согласий:)

В том, что он производит впечатление на женщин, сомнений у Игната не было. Судить о собственной привлекательности сложно, однако, факт оставался фактом: он был атлетически сложен, постоянные физические нагрузки, часто запредельные для человеческого организма, оставили след на его высокой, поджарой фигуре. Ни капли лишнего, налитые мышцы, обтянутые загорелой кожей – следствие последней командировки.

Лицо? Лицо как лицо. Глаза карие, тёмные волосы подстрижены коротким ёжиком, широкие скулы, как говорили женщины, скульптурные. Нос, как у всех, не большой, не маленький, не картошкой, без горбины – обычной нос. И рот обычный, вот зубы на зависть белые, ровные – это у Калугиных семейное, наследство отца. Семь человек детей, любого в рекламу стоматологических клиник бери, на фото «после».

Игнат быстро оделся, нашёл уборную, ванную комнату, привёл себя в порядок после сна, отправился на первый этаж. Ступать босыми ногами по полу, по ступеням из натурального дерева – особое удовольствие. Стоял оглушительный запах свежеиспечённого хлеба, сдобной выпечки и еле слышный – древесный смолы. Фантастика.

На первом этаже, рядом с самой настоящей русской печью, стояла жена Фёдора, Полина. Игнат невольно залюбовался плавными движениями невестки, как та достаёт румяные булки из печи, устраивает на поддоне из дерева, ставит новую порцию. Светлое, длинное платье в пол, перетянутое цветастым передником, не скрывало ладной женской фигуры. Четверых детей родила, а фигурка девичья осталась. Повезло брату, пусть не с первого раза, но сильно повезло.

Рядом топтались дочери, старшая, Маша, двенадцати лет, деловито скатывала тесто в причудливые рогалики, ей помогала, высунув язык от усердия, пятилетняя Дарья, тут же крутился трёхлетний Максимка, то сахара на рогалик посыпает, то кисточкой со взбитым яйцом ткнём со всем старанием, то побежит за отцовским молотком, табуретку, в углу стоящую, «чинить» примется. У Фёдора с Полиной, как и полагается, детей приучали к труду сызмальства. Никаких поблажек, встал на ноги, пошёл, значит, можешь по дому помогать. Праздность, как и лень – грех.

Самый старший где-то с отцом. Двадцатилетний Алексей, пока на каникулах – полноценный помощник в доме и на работе.

У Фёдора был небольшой, однако успешный бизнес. Уродился он плотником от бога, приехав в Кандалы, сумел увлечение превратить в дело, открыл столярную мастерскую, начал изготавливать мебель. В условиях отдалённости от крупных населённых пунктов, жители большого села стали охотно покупать красивую и прочную продукцию. Позже подтянулось плотницкое дело – срубы на дома, бани, просто брус, доска, прочий погонаж – ни одной щепки сквозь пальцы не ускользало у рачительного хозяина.

Сейчас мебель его фабрики продавалась по всей области, не сказать, чтобы как горячие пирожки, но успешно. Срубы же пользовались большой популярностью, покупали и из соседних областей. На безбедную жизнь семье хватало.

Первой Игната заметила Маша:

– Доброе утро, дядя Игнат!

– Доброе утро, – в ответ улыбнулся тот.

После приветствий и добродушных подначиваний Полины, Игнат вышел во двор. Небо – высоченное, голубое, с кучевыми, пышными облаками. Красота, да и только! Тело после сна и дороги, когда из всех упражнений мог только поприседать, да руками помахать, требовало нагрузки.

Пробежаться по селу, что ли? На ногах удобные кроссовки, одет для спорта – тренировочные штаны и футболка. Побежал, распугивая кур, косяки гусей, уток, провоцируя дворняжек на перезвон. Ишь, чего удумал, бежать мимо охраняемого объекта – хозяйского двора. Невольно заглянул за забор из высокого штакетника дома Барханова, вдруг Люба выйдет. Не повезло.

Кандалы – село большое, больше тысячи человек населения, раскидистое, стоящее вдоль полноводной реки, среди густой тайги, пахнущей кедрами. Пробежать вдоль неподготовленному человеку сложно, Игнат проскочил, не заметил, лишь мышцы немного размял, несмотря на старания: сделал комплекс обязательных упражнений.

Вернулся во двор Фёдора, встретился с недовольным красавцем-петухом Авундием – имя ему поведала Даша – нацелился на турник. Не могло такого быть, чтобы в доме Фёдора турника не нашлось. Отыскал, оторвался там по полной, дав разгуляться кровушке. Ух, хорошо! Каждая мышца в теле ожила, окрепла, налилась. Скинул футболку, глубоко дыша, подхватил ведро у колодца, полное воды, вылил на себя одним махом студёную, аж до костей пробрало. Благодать-то какая!

Не успел опомниться, как почувствовал увесистый подзатыльник, такая тяжёлая рука только одному человеку могла принадлежать, Фёдору.

– Ты чего тут устроил? – выдал брат, ткнув в Игната большим махровым полотенцем. – Перед кем красуешься?

– Чего? – не понял Игнат.

Не к Полине же приревновал брат? Женщина она бесспорно красивая, только ерунда же, чистой воды ерунда. Жена брата – запрет по всем статьям: по совести, традициям, религии. Да и глупо это, Игнат производит впечатление на женщин, только зачем Полине на чужой огород поглядывать, когда на своём настоящий богатырь имеется. Рядом с Фёдором Игнат – так, недоросль кривобокий, а не мужик.

– Ты ещё в исподнем кочевряжиться начни. – Фёдор покосился на окно кухни, как раз у стола, где Маша и Даша лепили рогалики с ватрушками.

– Твою мать, – опомнился Игнат.

Давно он дома не был, а ведь и правда, не принято у них полуголым ходить. Сколько себя помнил Игнат, ни разу в доме в таком виде отца перед дочерьми не видел, а они в миру жили, телесами удивить сложно. Что говорить про задний двор Фёдора, который за тем в Кандалы и уехал, чтобы к истокам вернуться.

– Не матерись, – добавил Фёдор, повторно приложив от всей души: – Хочешь заниматься – занимайся. Рубаху льняную надень и вперёд. Нечего в девчонках интерес лишний будить. Понял?

– Понял, понял. Прости, не подумал, – повинился Игнат.

– Да я понимаю, с непривычки, – растянулся в улыбке Фёдор. – Ух, и рад же я тебя видеть! Какой вымахал! А был-то, соплей перешибёшь.

– Не все богатырями рождаются, – добродушно ответил Игнат.

– Богатырям в разведке делать нечего, там дрыщи нужны, как псы одичавшие: выносливые, хитрые и злые.

Опыт у Фёдора был, по выслуге лет меньше, чем у Игната, а по содержанию – не приведи Бог.

Затем завтракали. Сытно, вкусно, по-домашнему. Полина – отличная хозяйка, хлопотунья. Весь дом, большой огород, домашняя живность – на ней, забота о детях, муже. Фёдор уходил с рассветом, возвращался не раньше восьми вечера. Сегодня, видно, исключение.

– Куда столько сдобы, Полюшка? – спросил, не пряча улыбку, Фёдор. Глянул на жену ласково.

– К Бархановым семьёй вечером пригласили, – улыбнулась в ответ Поля.

В ответ Маша с Дашей прыснули, смешно стало малявкам, старшей немного волнительно. Зачем приехал Игнат, не понимал только Максим, остальные знали, включая половину села. Вечером предстоит не сватовство, нет, но лично познакомиться молодым лучше в «официальной обстановке». Родителей с обеих сторон уважат, самим потом проще будет. Не для

гулянок присмотрели друг друга, для жизни, от соблюдений приличия, негласных традиций всем только лучше станет.

– Я там сделал, пап, посмотришь? – подал голос молчаливый Алексей.

Телосложением Лёша пошёл в отца, ещё растёт, а уже – косая сажень в плечах, рост на зависть многим мужикам. Лицом в мать: аккуратные черты, дымчато-серые глаза с пушистыми ресницами. В детстве над Лёшей шутили, что на девчонку похож, сейчас мягкость постепенно уходила из облика, проявлялись мужские черты. Вот характером неизвестно в кого.

Полина известная хохотушка, Фёдор как-то признался, что залип на Полю, когда услышал, как она смеялась: сначала заливисто, громко, как колокольчик, а после перешла на визг, чисто свинья, с похрюкиванием.

«Человек, который так смеётся, лживым не будет».

Фёдор родился Калугиным – этим всё сказано. У них у всех, пусть специфическое, не всегда понятное, но чувство юмора имелось, улыбки до ушей с лиц не сходили. Правда, сейчас Фёдор пообтесался, заматерел, укрепился в вере, на людях лишний раз скалиться не станет, но порода как была Калугинская, так и осталась. И в кого Лёшка угрюмым уродился – неясно. В Михаила, если только, другого своего дядьку? Но и тот не родился угрюмым, жизнь скрутила, не отпустит никак.

– Посмотрю. Игнат, пойдём, и ты глянешь.

– Чего глянуть-то? – с готовностью отозвался Игнат, вставая.

– Интернет-магазин мебели делаем, раньше рекламы хватало, социальных сетей, но расширяться надо, тем более, помощник вырос, – похвалил сына Фёдор.

– Спаси Бог, – поблагодарил он жену, поцеловал каждого из младших детей и двинулся на второй этаж.

– Спасибо, – подхватил Алексей, клюнул мать поцелуем, поспешил за отцом.

Игнат тоже поблагодарил, хотел было убрать со стола, но расторопная Маша подхватила тарелки, понесла к раковине, за ней торопилась Даша, держа в руках чашки. Полина посмотрела вслед мужчинам и принялась за свои дела – их всегда много, как бы ни облегчал муж быт техникой от мультиварки до посудомоечной машины.

Игнат ещё в первые приезды удивлялся, что местные хлеб сами в русской печи пекут, а всё оказалось просто: автолавка с хлебом приезжала всего три раза в неделю, на всех не хватало. В печи испечь за один раз можно больше, чем в духовке, к тому же вкуснее.

Печь же, при условии сибирских морозов, вещь в доме наиважнейшая. Газ в Кандалы в советское время не провели, теперь приезжают депутаты перед выборами, трясут бумажками с обещаниями, нагородят с три короба и исчезают до следующих.

Отопление в доме Фёдора не печное, но красавицу поставили. Во-первых, отличная замена плиты в случае надобности, во-вторых, полетит в трескучий мороз новомодный котёл, околеют всей семьёй. Проверенное веками надёжней.

– Ты что же, и интернетом пользуешься? – подначил Игнат брата, оказавшись в его кабинете, что располагался в торце первого этажа, с видом из окна на палисадник, усаженный цветами.

Кабинет просторный, мебель из натурального дерева, собственного производства, на столе тонкий монитор компьютера, в стороне, на стеллаже, среди книг – роутер.

– Бог дал, надо пользоваться, – серьёзно ответил Фёдор, лишь в самых уголках глаз мелькнуло лукавство. – Показывай, Лёша.

Глава 3

Дом Бархановых – через три двора от Калугина Фёдора. Из кирпича, с широкими окнами, с верандой во всю лицевую стену. Палисадник пестрит цветами. На заднем дворе огород – грядка к грядке; оставшийся со стародавних времён сруб – изба-пятистенка. Предки Барханова Петра – отца семейства – пришли в Кандалы в восемнадцатом веке, стали одними из тех, кто присмотрел высокий берег в объятиях тайги, основались здесь накрепко.

Семьи уселись за стол, радующий разносолами. Тут тебе и фаршированный чир, и запечённый муксун – деликатесы, выловленные в реке, – и мясо марала, разваренное, с душистыми травами, и грузди солёные, один вид которых возбуждал обильное слюноотделение. Удачно Игнат приехал, между Петровым и Успенским постом[7].

Сам он забыл, когда пост держал в последний раз. В Рязанском военном училище не до причуд было. На службе же порой такую дрянь есть приходилось, что вспоминать не хочется, иногда дни терялись, недели путались, не до религиозных традиций. Но в чужой монастырь со своим уставом не ходят, так что Игнат принимал традиции людей, к которым приехал, у которых собирался взять себе жену.

Вот такие они, где-то странные, порой фанатично верующие, иногда живущие по законам общины, потому что так проще, не дадут пропасть. Не Игнату судить их, не ему диктовать условия, его дело уважать традиции и быт этих людей.

Он поднялся, вышел на высокое крыльцо. Сумерки, тепло, безветренно, странно тихо, не слышно ни собак, ни домашней скотины, будто замерло всё, только мошка кружит, но от неё придуман репеллент. Бог дал – надо пользоваться.

На крыльцо выбралась Люба. Пока сидели, Игнат рассмотрел её лучше, мнения своего не изменил. Приятная женщина, красивая даже. Платье из вискозы прикрывало колени, зато показывало пышную грудь, голова покрыта обычной косынкой. В миру Люба совсем другая, если верить фотографиям: яркая, современная, модница. Здесь, при родителях, не забалуешь.

Следом выскочил Кирюшка, вцепился маме в подол, поглядывая с подозрением на чужого дядьку, словно чуял что-то, понимал.

– Поди сюда, Кирюшенька… – Выглянула мать Любы, Елена Ивановна, позвала внука. – Идём, вкусного тебе дам. – Кирюшка упрямо покачал головой, сильнее насупился. – Деда сейчас из воздушки по банкам стрелять будет. Пойдёшь? – быстро нашлась она.

Кирюшка довольно подпрыгнул на месте, рванул со всех ног в дом, обогнув сначала Игната, а потом бабушку.

– Пойдём, прогуляемся? – предложил Игнат.

– Куда здесь ходить-то? – криво улыбнулась Люба, ей было заметно не по себе, Игнату тоже.

– Вот и покажешь. Я последний раз лет пять назад здесь был, даже семь, Даша у Фёдора ещё не родилась.

– Пойдём, – вздохнула Люба, оправила невидимые складки на подоле, спустилась с крыльца, Игнат воспользовался, оценил вид сзади – аппетитный.

Беседа не клеилась, настолько глупо себя Игнат не чувствовал давно, если вообще подобное с ним случалось. Генеральский сын родился уверенным в себе – встроенная функция. С ней рос, в детстве ещё опасался гнева Божьего, что не спасётся, потом этот страх выветрился,

---

[7] Успенский пост – один из четырёх многодневных постов, довольно строгий. Запрещается потребление в пищу мясных, молочных продуктов и яиц, алкоголя, курения, есть дни сухоядения. Запрещены интимные отношения между супругами. В современном православии строгого запрета на «супружеский долг» нет, в догматах старообрядчества строгий запрет сохранился по сей день.

вышколилась убеждённость, что ему всё по плечу. На женский пол эта уверенность тоже распространялась.

Сейчас шёл, не зная, что сказать. Чужой, по сути, человек. Да, женщина, да, приятная, но абсолютно посторонняя и не такая интересная, чтобы перед ней коленца выписывать. За пределами села он бы точно знал, что делать, говорить, куда направить мысли, и не только мысли, а здесь… Может, послать в эротические дали идею с женитьбой? Дослужится до своих звёзд, успеет. Или жениться на Ритке – была у него зазноба сердца. На роль жены подходила, как корове седло, но вело Игната от неё всерьёз.

Дошли до реки, спустились по густо усеянному травой берегу, устроились на поваленном бревне, подальше от людских глаз. Вроде пошёл разговор. О службе Игната – по верхам, всего не расскажешь, о работе Любы, планах, вкусах, желаниях. Не сокровенно, но понять, что за человек перед тобой, можно.

Люба была бесхитростная, не злобливая, не завистливая, открытая, как на ладони, в то же время, как и предполагал Игнат – битая судьбой, разочарованная женщина. Почему-то не хотелось увеличивать её неудовлетворённость жизнью. Сделать счастливой – получится?

Она поёжилась от дуновения прохладного ветерка с реки. Игнат обнял за плечи, притянул к себе, чувствуя, как замерла соблазнительная фигура в его руках. Не испугалась, скорее наоборот. Провёл большим пальцем по горячей коже вдоль ключицы, услышал ожидаемый вздох, томный, женский, который запускал реакцию в мужском организме после недель вынужденного воздержания. Не так быстро, как привык Игнат, будто что-то останавливало, охлаждало пыл на подходах, и всё же здоровая природа брала уверенный верх.

Развернулся, вынудил повернуться Любу, провёл губами по губам, снимая пробу. Она ответила умело, с придыханием, закинула руки сначала на плечи, потом начала поглаживать шею, заставляя то, неведомое, что остужало пыл, отступать.

Исследовательский интерес сменила похоть, Игнат опустился на траву, облокотился спиной о бревно, потянул ближе Любу, усадил на себя верхом, потёрся бушующим пахом. Впился в губы наглым, жадным поцелуем, прочувствовал ответ. Она не поощряла и не противилась. Позволяла мужским рукам нырять в разрез платья, сдавливая сладкую мягкость. Забираться под подол, скользить по нежным, разгорячённым бёдрам с внутренней стороны и между, по выдающему сильное желание белью. А Любочка-то горячая штучка!

Чем бы всё закончилось, неизвестно, вернее, определённо известно – прямо здесь, вдали от протоптанной тропинки, пристроившихся у деревянного пирса лодок, напротив заводи с камышом и рогозом, – если бы не едва уловимый шум, чьи-то шлёпающие шаги.

Люба отпрянула от Игната, как ошпаренная. Он повернул голову: по примятой траве от них спешно двигалась женщина. Со спины не понять, какого возраста. Может пятнадцать, просто рослая для своих лет, а может, отлично сохранившиеся сорок. Видно было лишь ладную фигурку, толстую косу и красные резиновые шлёпки на высокой подошве, что издавали хлюпающий звук, ударяясь о сырые пятки.

– Шура… – задумчиво проговорила Люба и, тяжело вздохнув, попыталась встать. Игнат помог. Момент был упущен, к тому же, действительно, не время, не место – успеется.

– Что Шура?

– Шура Ермолина. – Она кивнула в сторону улепётывающей фигурки.

– Это плохо?

– Не знаю, мы не общаемся. Ничего общего, ей то ли двадцать лет, то ли двадцать два, может, старше.

– Понятно.

Что понятно, Игнат не знал. Шура какая-то… Ладно, не предадут же их анафеме и судному огню, если разнесёт эта Ермолина по всему селу о том, что видела. В крайнем случае, епитимью наложат за блуд, только Игнату, положа руку на сердце, дела нет до общинных погре-

мушек. Сыграет свадьбу, заберёт Любу, и будут они вспоминать, откуда родом, только по великим праздникам и когда родню навестить поедут.

Любу проводил, постояли немного у калитки под одобрительными взглядами Бархановых-старших, потом почти сразу к Фёдору отправился. Вечер, пора и честь знать.

На первом этаже, в царстве дерева, среди одеял и подушек скакали дети. Маша, весь вечер важно смотревшая по сторонам, всё-таки уже взрослая, не под стать малышне под ногами, принимала самое активное участие в игре. Полина накрывала на стол. Сколько можно есть-то? Так и хотелось напомнить про грех чревоугодия. Промолчал.

Повернулся в сторону красного угла, широко улыбнулся.

– Михаил!

– Игнат, – развёл руки в приветственном жесте брат, кривовато, как-то неумело, словно через силу улыбнулся.

Михаил был на год младше Фёдора. Погодки росли не разлей вода, разница в возрасте была настолько несущественная, даже родители порой забывали, что братья не двойняшки, особенно, когда Михаил перескочил через класс и доучивался уже с Фёдором. Вместе поступили в военное, вместе учились, плечом к плечу служили, пока не подломила жизнь обоих.

Фёдор оклемался быстрее, главным образом благодаря Полине. Михаил же… Осуждать его не за что, Игнат не знал, как бы он перенёс то, что выпало на долю старшего брата. Задавал себе этот вопрос, понимал, что ответа на него быть не может. Боевой офицер страшится не собственной смерти, а гибели товарищей и остаться калекой.

– Я заходил после обеда, Марина сказала, что только завтра, к службе вернёшься.

– Раньше управился, – кивнул Михаил, показал взглядом на увесистую корзину дикой малины. – Детям.

Михаил приехал в Кандалы, когда стало понятно, что любая реабилитация бессильна. Врачи разводили руками, говоря, что ПТСР, не редкий в те года зверь, неизлечим. На протезы его поставили – дорогие, удобные, сделанные на заказ в Германии, в штанах от живых ног не отличить. На «ногах» стоять научился, а рассудок, похоже, растерял.

Приступы бешенства сменялись апатией, долгими запоями, которые снимались медикаментозно и снова вели к прошлому кошмару. Отчаянию, бешенству и так до бесконечности, до седых материнских волос. Бедняжка рванула в Православный монастырь за поддержкой, благо знакомых в религиозных кругах всех конфессий хватало. Приняли Михаила на реабилитацию, только не прошло трёх месяцев, как всё повторилось: отчаяннее, бешенство, запой.

Позже уехал к брату в Кандалы. Остановился, остепенился, окреп верой, не оттого, что старообрядчество давало силы, сам в себе силы нашёл, желание жить. Через несколько лет окончательно завязал с выпивкой, женился на вдове с двумя детьми, внешне не слишком привлекательной, работящей, хозяйственной, набожной, тихой.

Отец на радостях дал денег на новый дом. Никому из детей таких подарков не делал, Михаилу преподнёс. Тот решил по-своему: отремонтировал небольшой дом Марины, доставшийся от родителей; пристроил две просторные комнаты; купил старенький, крепкий трактор, к нему плуг и борону; построил птичник и начал жить натуральным хозяйством.

К дому Михаила Калугина потянулись сначала соседи – кто яиц купить, кто трактор арендовать, – потом стали приезжать из райцентра, покупать оптом птицу, овощи. Сейчас всем в Кандалах известно, где самое сладкое молоко, из какой курицы получится наваристый, сытный бульон, у какой хозяйки всегда можно купить отменных грибов – хоть солёных, хоть сушёных, ни одного червивого не попадётся – где раздобыть свежей лесной ягоды ребятишкам.

Вот только хмурость, неприветливость Михаила не исчезла, напротив, росла год от года. Про таких говорят: старовер кружку воды путнику не подаст. Ему действительно тяжело было улыбаться, будто атрофировались отвечающие за это мышцы, а смеха Михаила никто из Климовых не слышал с далёких довоенных времён.

Вечер прошёл в семейном кругу, пришла Марина с двумя детьми, которые родились в браке с Михаилом, старшие давно жили в городе, навещая родителей по выходным. Посидели тепло, душевно.

Утром отправились в молельный дом, наряженные, как на праздник. Воскресенье. Игнат чувствовал себя чужим, ловил недовольные взгляды общинников, не дело это – жить в миру, по мирским законам, а потом заявляться, как ни в чём не бывало. Однако стерпели. Из уважения к братьям Калугиным или зная намерения Игната в отношении дочери Барханова – неизвестно. Он бы сам вышел, душно ему было, маетно, но вся семья пошла, решился уважить.

После обеда Фёдор засобирался в райцентр, откуда прикатил Игнат от железнодорожной станции. Позвал брата, тот, не думая, согласился. Чем заниматься целый день – неясно. Вечером зайдёт за Любой, пригласит на прогулку. Жалко, что негде продолжить начатое накануне. Фёдор бы вошёл в положение, но при детях в жизни не позволит. Стоит разузнать, есть ли в райцентре гостиницы, турбазы поблизости, взять у брата УАЗ Патриот, прокатить Любу с ветерком.

За неспешной беседой проехали километров пятьдесят, за очередным поворотом началась грязь, которую Игнат не заметил, когда ехал с Саньком, – дождь прошёл.

Почти сразу увидели машину, жёлтую Ниву в старом кузове. Дряхлая железяка раскорячилась сбоку дороги, чтобы её могли объехать.

– Ермолина машина, – буркнул Фёдор, остановился чуть поодаль, направился к Ниве.

Игнат последовал за братом, не сидеть же сиднем, вдруг помощь требуется. Остановился в нескольких метрах в недоумении. Рядом с передней жёлтой дверью стояла женщина, вернее, девушка, крутя в руках баллонный ключ. Присмотрелся, стало понятно, что машина приподнята на домкрате. Неужели девчонка сама собралась менять колесо? Судя по расположению колеса, не только собиралась, успешно справлялась.

Игната сильными женщинами было не удивить, встречается среди служивых прекрасный пол. Дамочки, которые фору дадут любому мужику, только девушку в светлом платье колесо от Нивы могло перетянуть.

– Запаски-то у тебя нет. – Фёдор хлопнул капотом, уставился на девушку.

Игнат посмотрел на неё же. До чего забавная, как ёж перепуганный. Русые волосы выбились из косы, торчат вокруг взопревшей головы кучерявыми иголками. Глаза, сверкнувшие невиданной зеленью, уставились с подозрением на Фёдора.

– Как нет?

– Так, – развёл ручищами Фёдор.

– А я как же? – пробормотала та в ответ, перевела взгляд на Игната, отчего-то покраснела.

Если девочка воспитывалась в патриархальной строгости, её любой незнакомый мужчина может заставить смутиться. Хотя, какая патриархальная строгость – стоит, баллонником машет, руки в солидоле, по лицу грязь размазана. Живое воплощение если не прекрасной амазонки, то воинствующей феминистки.

– Куда собралась, Александра? – участливо спросил Фёдор.

– В райцентр, – вздохнула Александра. – Посылки отправить, с «Озона» заказы получить, книги у доброй женщины забрать, три коробки детских отдаёт, а…

– Садись. – Фёдор показал на Патриот. – Отправим, заберём. Связь появится, позвоню Алексею, примчится, поменяет колесо, на обратном пути заберёшь своего крокодила.

– Спаси Христос! – пискнула Александра, рванула в сторону Нивы, стала вытаскивать с заднего сиденья пакеты с какими-то коробками среднего и маленького размера.

Игнат следил за мельканием стройных ног и не мог оторвать взгляда от красных шлёпок с высокой подошвой, которые при каждом отрыве маленькой пятки от стельки противно хлюпали. Но помочь не сообразил. Фёдор сам всё сделал, усадил нежданную пассажирку на заднее сидение, среди своих сокровищ, окликнул брата:

– Игнат, поехали!
– Поехали, – нахмурился в ответ тот.
Вот мы и встретились Александра Ермолина. Шура.

Глава 4

Дорога проскочила быстро, особенно, когда начался асфальт. В глуши начинаешь ценить удобство благ цивилизации, начиная от водопровода, заканчивая дорогами.

– Сначала заедем по моим делам, а после займёмся твоими, не против, Александра? – сказал Фёдор, поглядывая через зеркало заднего вида на пассажирку.

– Не против, – кивнула Шура.

Игнат посмотрел в то же зеркало, который раз за время пути. Успел рассмотреть Александру, было бы что рассматривать. Девушка и девушка, девчонка, считай. Русые волосы собраны в косу. Игнат забыл, когда последний раз видел подобную причёску у женщин. Глаза с прозеленью, или это лес отражался, придавая оттенок серой радужке? Пухлый рот, какой-то совсем детский. Острый подбородок и славные, румяные щёки. Тонкий, едва вздёрнутый нос на фоне разрумяненных щёк делал Шуру похожей на мультипликационного героя. Игнат не мог вспомнить, какого именно. Не смотрел он мультики, мог случайно наткнуться и тут же переключить.

Светлое платье совсем простенькое, подол прикрывает колени, полочка застёгнута на все пуговицы, лишь у шеи одна-единственная расстёгнута, поясок. Скромно, не скажешь, что со вкусом, просто – скромно. Впрочем, чего Игнат ожидал от девушки, которая благодарит словами: «Спаси Христос». Декольте до пупка или демонстративно-короткую длину? И почему он должен чего-то ожидать от посторонней девушки?

Мысли занять нечем, вот и лезет всякая блажь в голову. Выбор сделан – Люба. Нечего по сторонам смотреть, тем более, было бы куда смотреть! Всё-таки нужно найти место для интимного свидания с невестой, и заявление пора писать. Месяц ждать не придётся, Игнат был уверен, пойдут навстречу Калугиным, но время на подготовку всё-таки нужно.

Игнату свадьба была не нужна, он не понимал плясок вокруг этого торжества: расписались, насладились медовым месяцем, всё! Большего не требуется. Только есть родители, родственники с двух сторон, которым торжество в честь молодых в радость. Сослуживцы ещё – этим тоже нужно будет устроить отдельное торжество. Приглашать в Кандалы не стоит – не поймут, а если обойтись без традиционной пьянки в честь праздника – не поймут тем более.

Фёдор припарковался на узкой улочке, рядом с двухэтажным деревянным домом с резными, крашенными наличниками. У перекошенной двери красовалась памятная доска с указанием, что дом – памятник архитекторы, в котором когда-то жил купец второй гильдии Андреев. Рядом растянулось кирпичное строение, пестревшее вывесками и белыми пластиковыми окнами. Явный новострой. Там и скрылся Фёдор, ловко для человека своего телосложения перескочив лужу на тротуаре.

Хлопнула задняя дверь, выскочила на улицу Александра, протопала к памятной доске, внимательно, судя по времени, раз двадцать прочитала пару строчек, принялась разглядывать облупившиеся наличники.

Не хочет оставаться наедине с Игнатом? Ах, да… Неловко вышло накануне, но не набросится же он на несчастную обладательницу красных, скрипящих шлёпок, прямо в машине Фёдора. Вообще не набросится. Зачем? Детский сад насупившийся.

Чтобы чем-то заняться, а не разглядывать торчавшую, как бельмо на глазу, на пустынном тротуаре попутчицу, залез в телефон. Быстрый поиск показал, что в городке есть целых три гостиницы. Две отпали сразу. Первый интим с будущей женой в интерьерах крашеных стен, односпальных кроватей с коричневыми гобеленовыми покрывалами – увольте. Третья показалась симпатичней, тут имелись двухместные номера с приличными на вид двухспалками. Нашлась и база отдыха с отдельными домиками-номерами на берегу зарыбленного пруда с возможностью брони. Не идеальный вариант, но сбить охотку, чтобы не зажиматься, как школьники по кустам, подойдёт. Отлично.

Снова глянул на мнущуюся у памятной доски Шуру в красных шлёпках. Стоит, пялится на буквы, словно там отгадка на главный вопрос мироздания написана или пароль от единственного в округе вайфая. Что прикажите делать с этой матрёшкой? Такое впечатление, что Игнат младенцев живьём на её глазах ел, котят под колеса поезда швырял, а не с женщиной целовался.

Игнат уже собирался выйти из машины, но благо, на улице появился Фёдор, глянул хмуро по сторонам, позвал жестом Шуру, устроился за рулём. Спешащая по своим делам дамочка с ребёнком в коляске, посторонилась от Фёдора, бросила недовольный взгляд на Шуру, поспешила дальше.

– Куда сначала? – спросил Фёдор у Шуры, когда та устроилась.

– Здесь почта рядом, на соседней улице, – ответила, покосившись на пакеты с коробочками, Шура.

– Посылки отправлять будете? – решился заговорить Игнат: пусть девчонка убедится, что клыков у него нет.

Это были первые произнесённые им слова после формального приветствия, после того, как Фёдор представил их друг другу на лесной дороге.

– Да, – коротко ответила Шура.

Чудо-то какое красноречивое, заслушаешься!

– Александра у нас известная рукодельница, – пояснил Фёдор.

– Что делаете? – продолжил диалог Игнат.

– Ободки, серьги, броши. Всё, что закажут, – вполне бойко прочирикала известная рукодельница, мазнула взглядом Игната и предложила: – Могу показать.

– С радостью посмотрю, – кивнул Игнат, состроив заинтересованное лицо.

Серьги, броши – понятно, а ободки – это на голову или на пояс? Посмотрит, похвалит, может, перестанет бедняжка дёргаться при виде грешника Игната, вздумавшего блудом средь бела дня не с законной супругой заниматься.

Оказалось, на голову, вроде как красиво, Игнат в этом мало смыслил. Расшитые бисером, бусинами, разных размеров и цветов изделия выглядели… трудоёмко. Много блестяшек, стекляруса, пайеток – кто бы подсказал, как эти сверкающие штучки называются, – попробуй-ка расшей, чтобы аккуратно, подходило по цвету, фактуре, смотрелось красиво. Труд, требующий огромного терпения.

– Очень красиво, – искренне похвалил Игнат. – Через интернет продаёте?

– Да, у меня страничка в инстаграм, Лёша таплинк настроил, рекламу запустил. Заказы пошли, – довольно отчиталась Александра.

– Какой Алексей, мой? – Фёдор обернулся, посмотрел в упор на притихшую в одно мгновение Шуру. – Вы общаетесь?

– Да, то есть, нет! То есть…

– Если обидит Алексей, сразу ко мне иди, не стесняйся, – твёрдо заявил Фёдор. – Поняла меня?

– Поняла, – перепугано выдохнула Шура.

Игнат посчитал за лучшее «не услышать», уставился демонстративно в телефон. Выходит, у Калугиных две свадьбы летом будет? Здесь нельзя молодым ради удовлетворения естественного интереса повстречаться и разойтись. За пределами общины поступай, как хочешь. В Кандалах же подобное не дозволяется, если хочешь ладить с людьми, а главное, с родителями.

После почтового отделения, где пришлось ждать не меньше часа, отправились в “Озон”. Из пункта выдачи Шура выбралась, увешанная пакетами, как новогодняя ёлка. Фёдор споро помог устроить сокровища на заднем сидении, Игнат снова проигнорировал, в этот раз сознательно. Девочка того и гляди в семью войдёт, а он помимо воли на ноги её загорелые, икры

скульптурные пялится. Самому противно! А если Фёдор увидит – голову до щелчка повернёт, на епитимьи от наставника надеяться не станет.

Остался один адрес, по нему и отправились, забрали две большие коробки книг. Шура счастливо пробежалась по корешкам, погладила страницы двух случайно вытащенных томиков, благоговейно поставила обратно.

– Я в библиотеке работаю, – глянула она на Игната. – Фонд последний раз пополнялся пятнадцать лет назад. Дети приходят, а ничего нового нет.

– О, хорошо, – не нашёлся с ответом Игнат.

Хорошо же, что детям в Кандалах появилось, что читать? Хорошо. Фёдор, например, Маше книжки и учебники скачивает, интернет ей доступен под родительским контролем, причём в самом прямом смысле, с мамой за спиной. Вайфай запаролен, мобильный интернет самостоятельно – под строжайшим запретом, как и телевизор. Многим же до поры запрещают, даже с родительским присмотром, и электронные книги, и телевизор. От набожности, крепости веры зависит.

Не фигура речи, не преувеличение ради красного словца, отец запретил – дети обсуждать не станут, выполнят волю. Воспитание. Понимание мироустройства. Традиции. Игнату, несмотря на происхождение, дико, а для них – норма.

Жёлтая Нива стояла, где оставили. Колесо заменено на запаску, ключи мирно лежали на переднем сидении. Никому полуразвалившееся приметное ведро не нужно. Дорога одна-единственная, ведёт только в Кандалы и парочку прилегающих деревенек, где доживали свой век древние старики.

Жители со спины друг друга узнают, котов, гусей примечают, что говорить про автомобиль, который, несмотря на отдалённость села, так и остался роскошью, а не средством передвижения. Своровать машину и не попасться в местности, где любого пса по лаю узнают, затея нереальная. Да и грех, берущий корни в сребролюбии – не шутки.

Перенесли приобретения Шуры в Ниву, посмотрели, как разлажено завёлся мотор, громыхнула подвеска, скрипнуло всё, что только может скрипеть в проржавевшем куске железа, которым лихо управляла девушка в скрипучих шлёпках. Игната передёрнуло от мысли, что худые девичьи руки проворачивают рулевое колесо без намёка на усилитель, а дно «машины» того и гляди вывалится вместе с мотором и водителем.

По приезду Фёдор сказал Лёше зайти к нему в кабинет. Не стал ждать, пока тот на заднем дворе дрова наколет, – велел живо, без предисловий. Полина только успела бросить обеспокоенный взгляд на сына с мужем, поджала губы, покачала головой, посмотрела вопросительно на Игната, тот промолчал. Не его дело, слишком деликатное…

Как же ты так неосторожно, Шура Ермолина?

Вышел на задний двор, поприветствовал Авундия, пообещав, что если пернатый станет показывать характер, лично сварить из него холодец, благо до Успенского поста время есть, от мяса не откажутся. Петух внял, отправился по своим петушиным делам, пока Игнат с каким-то остервенением рубил дрова, хорошо, на щепки не измолол.

В сумерках Фёдор отправился к себе на лесопилку, Игнат с ним. Природа всё-таки удивительная в этих местах, завораживающая. Прямая дорога убегает вдаль, за горизонт, по бокам тайга сплошной стеной наваливается. Плавно поворачивает, выводит на широкий луг, сколько взгляда хватает. Снова поворачивает, бежит вдоль высокого берега могучей реки. По небу взбитые облака плывут, перекатываются, меняют форму, пропускают лучи низкого солнца. Запах стоит одуряющий, звук бесконечный, поверх него неизменная спутница – мошка.

З-з-з-з-з, з-з-з-з-з, з-з-з-з.

– Ты чего на Алексея окрысился? – не выдержал Игнат.

По лицу племянника, вышедшего из кабинета отца, стало ясно, что ничего хорошего он не услышал. Игнат знал, по каким законам живёт семья брата, но здравым смыслом не пони-

мал, сердцем не принимал. Мирской он человек, избалованный волей, цивилизацией, сочными женщинами, Риткой.

– Понимать должен, – коротко, недовольно ответил Фёдор. – Блуд это. Не позволено.

– Да что ему, в девственниках ходить?

– Созрел, пускай женится.

– Какой «женится»? Ни образования, ни профессии, ни ума, считай, нет. Рано!

– Раз рано, значит, хотелки надо поприжать. Потерпеть.

– Сам-то много терпел, Федь? – Игнат остановился. – До первой жены, помнится, дотерпеть не смог, – усмехнулся он.

– Потому и развелись, что ни терпения, ни уважения, ни смирения в нас не было. Если до свадьбы дотерпеть не может, то и после терпеть не станет.

– Строг, – покачал головой Игнат. И ведь «справедливым» не назвать, сам по юности гулял так, что отец здоровенного амбала вдоль хребта ремнём охаживал.

– И потом, – вздохнул Фёдор. – Натешится, ославит, уедет, а девку потом отец со света сживёт. Старшую дочь от семьи отлучил, среднюю на порог не пускает, а всё, что она сделала – вышла за мирского, не старовера, местного. Сбежала к первому, кто позвал. Теперь за Александру примется?

– Ого… Лёшка-то сам, что говорит?

– Ничего, говорит, нет промеж ними, ничего. Помогает по дружбе, они же вот с такого все вместе хороводились, – Фёдор показал рукой куда-то ниже колена. – Она ему какой-то ободок-кокошник сделает для матери. Бартер у них.

– И чего ты на парня взъелся, если «бартер»? Полина, я уверен, кокошнику этому обрадуется.

«Кокошник» из какого века словечко? Кто сейчас ко-кош-ники носит? Хотя… Сейчас девицы платья под горло не застёгивают, колени не прячут, глаза, краснея, не отводят. Женщины голову не покрывают, сарафаны традиционные по праздникам не надевают. А Игнат здесь, в Кандалах, за несколько дней всё это своими глазами наблюдал и не удивлялся, будто явление это обыденное, каждый день встречается.

– Отеческий наказ всегда на пользу, – степенно ответил Фёдор. – Кто знает, что в головах молодых варится, – совершенно по-светски продолжил, став тем, кого Игнат знал, помнил, понимал. – Ещё раз приструнить лишним не будет, чтоб не наворотил дел.

Вечером, уже потемну, зашёл к Бархановым, позвал Любу на прогулку. Пётр одобрительно крякнул, видя вежливое обращение Игната, Елена Ивановна расплылась в улыбке. Кирюшка деловито поздоровался с гостем за руку, видимо, недавно выучил жест, потому что «здороваться» он подходил несколько раз, смеясь, убегал, чтобы снова вернуться. Игнат лишь улыбался, с готовностью протягивая ладонь. Смешной пацан, хороший.

Снова чувствовалась скованность, отупляющая неловкость. Язык словно прирос к нёбу, слово выдавить сложно. Хотелось развернуться, уйти в комнату на втором этаже дома Фёдора, втыкать в телефон, впитывая новости цивилизации. Утром смыться домой, плюнув на все формальности и карьеру, которая летела в тартарары без вожделенного штампа в паспорте и живой, из плоти и крови, жены.

С поцелуями дело обстояло лучше, Игнат ступал на свою территорию, чувствуя однозначный ответ. Страстный, чувственный – неплохой задел на будущее. На завуалированное предложение съездить на базу отдыха, на рыбалку, Люба помолчала, потом произнесла:

– Не торопишься, Игнат?

– Ты можешь отказаться, – он пожал плечами, – неволить не стану, но ты должна быть в этом заинтересована не меньше меня. Сексуальное несовпадение – не мелочь. Семья не на пару лет создаётся, неужели самой неинтересно проверить?

Он пытливо посмотрел на будущую жену. Приятная, красивая.

– Я подумаю.

Подумала. Через четыре дня ранним утром отправились в райцентр на Патриоте Фёдора в Детский мир, купить Кирюшке игрушечное ружье, стреляющее шариками. Уж очень пацанёнку хотелось своё оружие, дедушка играть с воздушкой не позволял, а какой же из внука охотник вырастет, если ружья своего не имеет.

Глава 5

В номере-домике приятно пахло деревом, травяной свежестью из приоткрытого окна, женской туалетной водой и сексом. Игнат растянулся на простыне, накинув вторую до пояса, заодно укрыл Любу, та лежала рядом, спокойно и глубоко дыша.

Слишком рано? Возможно. Только Игнату держащаяся зубами за собственное целомудрие невеста не нужна, никаких выводов из скорой близости он делать не собирался. Вернее, сделал: Люба – подходящая ему женщина. Разумная, умеющая отстаивать собственные интересы и границы, твёрдо понимающая, что именно хочет, от кого. И, что немаловажно, чувственная, готовая к жаркому, жадному ответу.

Конечно, долгое воздержание со счетов скидывать не следовало, у самого Игната едва не подкосились ноги, когда только завёл Любу в домик, нагнулся за поцелуем, но всё-таки темперамент был виден и не мог не радовать. Сама же Люба призналась, что у неё не было никого со времени развода. Сначала не до романов было, потом работы лишилась, сынишка бесконечно болел, подалась к родителям, в Кандалах не разгуляешься.

Не верить у Игната причин не было. Да и какая разница? С человеком жить, а не с его прошлым связями. В телегонию он не верил, как в любой псевдонаучный бред.

Люба заворочалась, перекинула руку через Игната, удовлетворённо вздохнула, он обнял в ответ одной рукой, другой взял женскую ладонь, поднял на свет. Небольшая кисть с коротковатыми пальцами с парочкой скромных колечек.

Вспомнились руки Риты – узкие, с длинными, музыкальными пальцами, которые венчал ухоженный, яркий маникюр. Не признавала его Ритка пастельных тонов, невзрачных нарядов, тонких цепочек, колечек, ей подавай броские, эксклюзивные вещи. Летела, как пчела на цветок, вернее, сама была цветком – экзотическим, издающим яркий, дурманящий аромат.

Люба неуловимо похожа на Риту, наверное, оттого глаз и задержался на ней, когда бездумно смотрел социальные страницы потенциальных невест. Молоденьких, до двадцати восьми-тридцати лет, отмёл сразу. Хотел бы нянчиться с детским садом – взял бы малыша из детского дома. Нужна женщина, которая родит ему ребенка, а не сама будет сопливым дитём. Остальные никакого интереса не вызывали, некоторые вовсе отталкивали, а на Любе взгляд задержался: красотка в красном заливисто смеялась, открывая ряд ровных, белых зубов.

Формально – ничего общего. Люба – светло-русая, волосы крашеные, однако заметно, что тон выбирала натуральный. Широковатое лицо, небольшой, уточкой, нос, полные от природы губы. Какая Рита от природы, не помнила уже она сама, Игнат тем более. Кажется, когда они только познакомились, она щеголяла копной каштановых волос, потом была блондинкой, теперь же жгучая брюнетка с волосами до пояса. Точёные, высокие скулы на худом лице, разлёт бровей, пухлые губы – всё следствие косметологических процедур, а не милости природы-матушки. Ритке шло, словно вся индустрия красоты специально под неё подстраивалась, на неё равнялась. Игнату оставалось оплачивать и пользоваться.

В Кандалах Игнат встретил совсем другую женщину, не ту, что видел на фото, но когда слетел повязанный платок и платье в пол, под ним обнаружился кружевной комплект белья и та самая красотка, что вызывающе смеялась на фотографии. Что сказать? Повезло!

– Игнат, домой пора, – заворочалась Люба, поглядывая недовольно в окно.

День подбирался к вечеру, с утра можно было купить целый арсенал оружия, они же отправились за одним-единственным пластиковым ружьём для Кирюшки.

– Подожди.

Игнат перевернулся на бок, вжал в себя женское, податливое, мягкое тело, провёл ладонями по спине и ниже, мужской организм отреагировал ожидаемо. Вдавился сильнее, оставил влажный след от языка на шее, давая понять, что не выпустит без финального аккорда.

– Люба… какая ты, – проговорил он, продолжая настойчиво поглаживать разомлевшую женщину, готовую вот-вот сорваться в ответном порыве.

– Нравлюсь? – промурлыкала в ответ Люба.

– Очень, – честно признался Игнат, не покривив душой.

Накрыл собой отзывчивую на ласку, уже готовую Любу. Она тоже стремилась впитать больше, насытиться наперёд, будто верила, что это возможно, что поутру организм не взбунтуется сильнее обычного, требуя своего.

Приехали в Кандалы, когда солнце катилось за линию горизонта. Попрощался чинно у калитки с Любой, вежливо кивнул выглянувшей Елене Ивановне, проигнорировал недовольный взгляд Петра. Таёжный охотник – не юная девочка, которую не стоит смущать лишними знаниями, переживёт.

Фёдор никак не отреагировал на появление брата. Полина сообщила, что скоро сядут ужинать. Дети не придали значения долгому отсутствию дядьки, у них своих забот хватало. По дому помочь, на улицу отпроситься, наиграться всласть. Маше к вечеру к списку обязательной литературы вернуться, сделать заметки в читательском дневнике. Родители зорко следили за учёбой чад, не забалуешь. Алексей хорошо учился, в институт поступил, девочки не хуже, а то и лучше брата: усидчивей, сообразительней, красноречивей. Отставать не должны.

Игнат помолился, как и вся семья. После поступления в училище он продолжал машинально молиться, правда, не демонстрируя, чтобы не вызывать насмешки, шёпот за спиной. На вопросы не хотелось отвечать, они непременно следовали за узнаванием, что Калугин – старовер. Ни одна конфессия на памяти Игната не вызывала столько интереса, слухов и домыслов, как старообрядчество.

А что интересного, спрашивается? РПСЦ[8] и РДЦ[9] – юридически и канонически независимое религиозное объединение, признанное государством. Беспоповцы, к которым принадлежали Калугины, церковь не признают, но подобные тонкости известны лишь интересующимся. Остальные разглядывают, как экспонат в Кунсткамере, чушь настолько несусветную несут, что головой о стену охота биться.

Вот же он – Калугин Игнат. Сын профессора кафедры Истории Церкви – современной, красивой женщины, в брюках, без платка – и генерала, без бороды лопатой на лице. Поступил на общих основаниях, ходит в наряды и увольнения, романы крутит, водку пьёт, на неприятности нарывается точно так же, как любой другой, а глаза таращат, будто леший из лесу выполз.

Позже молился в критических ситуациях, когда надеяться больше не на кого. Правильно говорят: «не бывает атеистов под огнём». Все молятся, все равны: христианин, мусульманин, буддист, атеист. Сейчас же соблюдал традиции, чтобы не смущать радушных хозяев, особенно детей.

Потемну устроились с Фёдором в беседке напротив крыльца, ждали Полину. Вышел Алексей, потянулся, расправив богатырские плечи, покосился на отца, направился к калитке.

– Куда? – спросил Фёдор, с прищуром оглядывая сына в джинсах, футболке, ветровке, перекинутой через руку.

– По делам.

– Какие дела ночью? Спрашивать позволения кто будет?

Алексей покосился на Игната, почесал затылок, тяжело сглотнул, пряча недовольство.

– К Дружининым я. Можно?

«Можно» растянул намерено, почти издевательски. Не набрался ещё сил, не вошёл в возраст, через пару лет отправится по своим надобностям, не оглянувшись на недовольство отца.

---

[8] РПСЦ – Русская православная старообрядческая церковь

[9] РДЦ – Русская Древлеправославная Церковь

– Иди, – кивнул Фёдор, проводил сына долгим взглядом.

– Не боишься передавить? – поинтересовался Игнат. – От дома, семьи, веры оттолкнуть?

– Бог даст – вернётся, но в родительском доме жить предписано по законам Божьим и семьи.

– И твоим умом?

– Моим было бы неплохо, – усмехнулся Фёдор. – От скольких грехов уберегся бы.

Хорошо посидели, душевно поговорили. Полина щебетала, жалась к мужу, он поглаживал худые плечи, которые казались ещё тоньше в его ладонях. Игнат запрокинул голову – на звёзды и растущий месяц набегали облака, закрывая половину неба, чтобы спустя полминуты открыть сверкающий ковёр. Красота! Если приезжать на отдых в отпуск.

К звёздам, взбитым облаками, гомону птиц, одуряющим запахам тайги и реки в комплекте шли бездорожье, печное отопление, прогнивший водопровод, оставшийся со времён союза, кто смог – пробурил скважину, остальные пользовались колонками на улице, колодцами во дворах. Бесконечный труд сельского жителя, который не зависит от вероисповедания. Местные мирские точно так же вставали на заре, ложились за полночь, хлопотали по хозяйству, как и старообрядцы. Ходили на охоту, рыбалку, собирали грибы, ягоды, иначе не выживешь в этом царстве дикой природы.

Последнее, что запомнил Игнат, когда упал на кровать – шум на первом этаже, Лёша вернулся. Глухой голос Фёдора, примиряющее воркование Полины. Сложно это – быть отцом. Как их отец на семерых решился? Понятно, как. Староверы любому ребёнку рады, для них нет разницы между сыновьями и дочерьми. Детей Бог даёт, не человеку с ним спорить. И всё-таки – уму Игната непостижимо.

Утром рванул на пробежку, пробежал село вдоль, повернул на просёлочную дорогу, убегающую в гущу тайги, проскочил несколько километров, пока дорожка не начала петлять, разбегаться на несколько тропинок, как ветви раскидистого дерева, тогда повернул обратно.

Село уже проснулось: жители спешили по делам, подавала голос скотина, лаяли собаки, с грохотом проехал старый ЗИЛ, пронёсся свистящий на все лады УАЗ-450, в народе «буханка», с красным крестом на двери – к кому-то спешила скорая из райцентра, прогремела Нива, шлёпнув протекторами по раскатанной грязи.

Невольно вспомнилась Александра Ермолина. Шура. Интересно, к ней вчера ходил Алексей? В то, что «ничего промеж ними нет», не верилось. Как же нет, когда тонкая ткань платья скользит по стройным ногам, обнимая округлые бёдра, упругие ягодицы – такие, что ничего, кроме похабного «так и просится на грех» в голову не приходит, – собирается в меленькие складочки на тонкой талии, подчёркнутой пояском, натягивается на вытачках груди, дразня мелкими пуговицами, отливающими жемчугом.

Удержался бы Игнат от подобного соблазна в двадцать лет? Ни за что! Сейчас, понятно, возиться с молоденькой неумёхой неинтересно. Он привык получать от секса удовольствие, дарить его, с ума сходить в процессе, не сдерживать эмоций, особенно видя жаркий ответ. Какой ответ возможен от краснеющей, смущающейся, готовой провалиться сквозь землю девицы, лишь бы не смотреть в глаза после нелепой случайности? Ни-ка-кой! Зато Алексею в самый раз, по возрасту и уму.

Не успел Игнат одёрнуть себя от крамольных мыслей, как увидел вывернувший из проулка женский силуэт. Александра. Легка на помине. Зачем-то прибавил скорости, быстро догнал, остановился рядом, немного перегораживая путь.

– Доброе утро, Александра, – поздоровался он, скользнув по Шуре взглядом.

– Доброго здоровья, Игнат Степанович, – ответила та.

Игнат едва воздухом не подавился, однако, сдержался, по отцу он Степанович, всё верно. Откуда ты такая взялась Александра Ермолина… Чудо глазастое, из прошлого века в наш, двадцать первый, шмыгнувшая?

– Куда путь держите? – в тон ей, так же степенно, отозвался Игнат, но от улыбки не удержался.

Попёрла Калугинская натура. Просто первый парень на деревне, не хватает картуза с цветком, гармони, косоворотки красной и в залихватский пляс пойти.

– На работу, в библиотеку, – пробормотала Шура, отчего-то снова покраснев.

– Понравились детям книги? – Игнат решил не обращать внимания на рдеющие щёки и распахнутые глаза, демонстративно не замечать.

– Д-да, – Шура буркнула уверенней, краснота испарилась, взгляд поднялся к лицу Игната, который вдруг сообразил, куда секундой раньше смотрели эти зелёные глаза.

Спросонья надел спортивную футболку с V-образным вырезом, не подумал, и сейчас, в самом углу, там, где обычная рубашка или футболка скрыла бы, красовался бледный засос – результат вчерашнего досуга с Любой.

– Незулин надо купить, раздражение от укуса комара, – спокойно сказал Игнат, поправив ворот.

– Троксевазин или гепариновая мазь эффективней от… укуса, – с лёгкой, едва заметной издёвкой, ответила Шура, взгляд не отвела, лишь порозовела и поспешила по своим делам, оправив длинную, ярусную юбку.

– Погоди! – Игнат догнал спешащую, успев разглядеть сверкающую заколку-бант над косой, наверняка собственного изготовления – сверкающую бусинами и бисером. – А ты откуда про гепариновую мазь знаешь?

В любом другом случае Игнат бы посмеялся. Ситуация комичная, замечание, брошенное вскользь, улётное. Любо-дорого, когда девушка зубки показывает, но Шуре откуда знать чем засосы выводят. Выходит?.. Вот ведь! Откуда-то взялось желание схватить хворостину, отходить вдоль хребта бестолкового Алексея.

– Я когда в общежитии жила, у меня соседка через день с такими «укусами» приходила, – пожала плечами Шура.

– В общежитии?

– Я в колледже училась на библиотекаря. – Шура назвала крупный областной город. – Думала в институт культуры поступать или на дизайнера.

Сразу вспомнились броши, серьги, сделанные её руками.

– Не поступила? – Игнат понимал, что устраивал форменный допрос, но остановиться не мог.

– А, – махнула она рукой. – Зачем мне? Отец велел вернуться, – добавила Шура небрежно, но от цепкого взгляда Игната не ускользнула тень досады на девчачьем личике.

– Шурка! – громыхнул за спиной Игната мужской хриплый голос. – Чего раззявила варежку! На работу спешила? Вот и поторопись. Нечего пустозвонить.

– Пап, я… – стушевалась Шура.

– Ступай!

Шура мгновенно развернулась, одёрнула юбку, подол коснулся дорожной пыли. Сжалась, как от удара, и поспешила вниз по улице, уткнувшись взглядом в землю.

– Здравствуйте! – Игнат развернулся, чтобы поздороваться, посмотреть на «отца», который на дочь посредине улицы орёт.

– Здоровее видали, – со злостью ответил мужик, окатив здоровающегося ненавидящим взглядом.

Торчащая борода, коротко стриженые волосы с заметной проседью, нахмуренные густые брови, нависающие над тёмно-зелёными глазами. Простая, в серую клетку рубаха, заправленная в поношенные штаны, запылённые кроссовки темно-синего цвета, узловатые ладони в рабочих мозолях.

Обычный мужик, пока Игнат бежал, с пяток таких встретил. С бородами и без. Торопящихся по своим надобностям: лето, рассиживаться некогда, работать нужно, делать запасы на долгую, сибирскую зиму. Если бы не взгляд, которым можно было дыру в атмосфере пробить. Злой взгляд, тяжёлый.

Глава 6

Половину утра Игнат гонял мысли об Александре. В колледже училась, в институт хотела поступать, отец не позволил, велел вернуться – вернулась. Ничего удивительного для сообщества, где жила и воспитывалась Шура, и всё-таки стояла Игнату поперёк горла такая овечья покорность.

С другой стороны, что он знал о Ермолиных, как смел судить? Выучить ребёнка в областном городе, дать высшее образование для среднего жителя Кандалов всё равно, что на Луну слетать. И ведь действительно: зачем? Как диплом института культуры или специальность «дизайнер» может пригодиться для жизни в отдалённом сибирском селе? Никак!

В итоге плюнул. Пусть Алексей думает, Шура его девушка, не Игната. У него свои заботы: к свадьбе готовиться, жену перевозить – только кажется, что ерунда, собрала чемодан и поехала, на деле любой человек к тридцати обзаводится ценным для него имуществом.

С Кирюшкой хорошо бы поладить. Сейчас мальчишка добродушно веселится, когда видит Игната, бежит показывать игрушки, болтает без умолку, но что будет, когда они все вместе сядут в поезд, который отвезёт их в ближайший аэропорт? Что такое детские капризы, ревность, ночные истерики и прочие «радости родительства», выросший в многодетной семье Игнат знал не понаслышке.

К обеду зашёл к Бархановым. Традиции традициями, но пора и о юридическом статусе подумать. Одним словом, нужно сходить в сельсовет, написать заявление на вступление в брак, оплатить госпошлину и что там ещё требуется. Кандалы онлайн-записи через сайт Госуслуг, как и прочие блага цивилизации, обошли. Здесь всё по старинке, как было в конце двадцатого века, так и осталось.

Люба странно замялась, будто отказаться хотела или испугалась в последний момент, несмотря на то, что детали были оговорены не один раз, но взяла паспорт, накинула платок, отправилась с Игнатом под руку, игнорируя любопытные взгляды односельчан.

Вот судьба Игната и решена. Через две недели свадьба. Приедут только самые близкие с обеих сторон. В общине наплыв мирских не приветствуют. Не все родственники придерживаются традиций, многие обычаи позабыли, веру предков не вспоминали, никто таким гостям рад не будет.

А позже, если Любе захочется, можно «светскую» свадьбу сыграть, подруг пригласить, знакомых. Нет – ограничатся грандиозной попойкой с сослуживцами Игната. Решить вопросы с переездом, садиком для Кирюшки, работой для жены, если хочется ей работать – пусть. Он готов поднять пару знакомств, устроят на тёплое местечко жену Калугина. Захочет стать домохозяйкой – тоже хорошо.

К обеду отправился с Фёдором на лесопилку, сидеть без дела не было сил. Большую часть «мужских» домашних дел сделал, в «женские» не пытался нос совать. Помнил про строгое разделение, патриархальный уклад семьи, где гостил. Со своим самоваром не лез, чтобы хозяйку ненароком не обидеть.

Игнат питал особенную нежность к Полине. Удивительная она женщина, настоящая, искренняя, любящая. Без слов за мужем пойдёт в огонь, воду, глухую Сибирь. Ведь она в Москве родилась, на Патриарших прудах выросла, младшая дочь обеспеченных родителей. Поступила в медицинский, пошла по стопам отца – доктора наук кафедры нефрологии, карьера была предрешена: связи, деньги, светлая голова – всё один к одному.

В итоге медицинский университет решил её судьбу. Отправили второкурсников на практику в военный госпиталь, среди них и Полину. В ту непростую, смутную для страны пору много солдат лечилось, переломанных, как физически, так и морально, среди них Фёдор Калугин – не просто офицер, а герой.

Корреспонденты шмыгали по коридорам, пытаясь снять репортаж посочнее, высокопоставленные военные начальники навещали раненых, особенно часто Калугина, его – демонстративно-показательно, даже первые лица государства наносили визиты под щелчки фотокамер.

Герой Фёдор Степанович Калугин на камеру слова не произнёс, хорошо, если молча таращился, всем видом отправляя начальство куда Макар телят не гонял, а то отворачивался к стене, игнорируя всех и вся. Ладно высшее руководство страны, собственное начальство, с родными не разговаривал, жену отталкивал. Лишь время от времени спрашивал о Михаиле, добираясь через боль в отделение интенсивной терапии.

В то страшное для всей семьи Калугиных время и познакомились Фёдор и Полина. Что между ними произошло, никто толком не знает. Не спрашивали, всё равно не расскажет никто из двоих. Всё, что знал Игнат – Фёдор почти сразу после возвращения из ада развёлся. Екатерина, первая жена, слова против не сказала, получив свидетельство о разводе, выдохнула свободно и счастливо. После госпиталя Фёдор подался в Кандалы, только дождался хороших новостей о состоянии Михаила – если ампутацию одной ноги по колено, второй по трусы считать хорошими вестями. Жить будет – за одно это спасибо Богу.

Игнат запомнил, когда увидел Полину впервые. Сам пацан пацаном, школьник, генеральский сынок со всеми полагающимися замашками, смотрел на заявившуюся в десять вечера подругу Фёдора и думал, что девчонка ещё учится в школе, классе в девятом, может, в десятом. Полина, в низких ультрамодных тогда джинсах, из-под которых выглядывал плоский живот, не дотягивала даже до одиннадцатиклассницы.

– Прости, Полина, – сказала мама, положив руку на сцепленные замком ладошки гостьи. – Федя просил не говорить, куда уехал. Особенно тебе не говорить, понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Полина, спокойно посмотрев на будущую свекровь. – Он жизнь мне портить не хочет, но я всё равно найду его, понимаете?

– Сибирь большая, как искать собралась? – строго глянул на гостью глава семейства, сам генерал Калугин. Он прищурился, делая и без того цепкий, недобрый взгляд злым.

– Староверских сёл немного, – спокойно пожала Полина плечами. – Я пока нашла семь, плюс на Алтае несколько.

– Ты была в Сибири хотя бы раз? Деревенскую жизнь в глаза видела? – продолжил допрос отец семейства.

– Нет, не была. Не видела. В седьмом классе нас возили на эко-ферму, показывали, как доят коров и коз. Ещё я на поезде ни разу не ездила, к общественному транспорту не привыкла, но я всё равно поеду и найду. Спасибо за чай, – кивнула она матери сбежавшего Фёдора. – До свидания, – сказала всем домочадцам, которые высыпали посмотреть на разговор с нечаянной гостьей.

– Записывай, – отозвался отец. – Игнат, листок с ручкой, живо!

– Что ты творишь, Стёпа?! – подпрыгнула мать. – Она же жизнь себе испортит, прав Федя!

– Кто прав, пускай сами решают. Она, – ткнул пальцем в сторону худенькой Полины, – всё равно найдёт Фёдора, не через неделю, так через год, только через неделю неприятностей огребёт меньше, чем за год поисков.

Каких неприятностей, тогда Игнат не понял. Смотрел на происходящее, понимал, что происходит что-то важное, знаковое, но объяснить в силу возраста, мальчишеской глупости не мог. На эко-ферме Полина была, козу живую видела, в Сибирь за Фёдором собралась… Надо же, какая отважная.

Позже Игнат узнал, что Полину встретили в аэропорту, доставили прямо на крыльцо старого семейного дома Калугиных, оставшегося от деда. Передали в руки обалдевшему Фёдору и несколько дней жили по соседству, ожидая, когда закончится экскурсия коренной москвички в

Сибирские земли. Не закончилась. Полина осталась в Кандалах, повергла в удивление местных жителей, всех Калугиных до восьмого колена, своих же родителей попросту в шок.

Сейчас родня Полины смирилась, отец стал приезжать едва ли не каждый год, наслаждаться природой, увлёкся рыбалкой, сплавами по реке, ходил на охоту с Фёдором, говорил, что места здесь просто воздушные. Поначалу же боролись, вытаскивали дочь из «секты», проклинали тот день, когда умница и красавица Полина поступила в медицинский институт, а заодно героя, имя которого прогремело на всю страну и отняло у них ребёнка.

УАЗ Патриот плавно покачивался по бездорожью, Игнат смотрел перед собой на убегающую вдаль колею с грязевыми лужами по обочинам. Час назад он позвонил отцу, отчитался, что подал заявление, в ответ услышал одобрительное кряхтение. Что всё семейство Калугиных, включая младших сестёр, пятнадцатилетних двойняшек – своеобразный подарок Бога на старости лет родителям, – сидит на чемоданах и ждёт приглашения на торжество, Игнат не сомневался. Родственники Любы, те, кто остался в вере, тоже ожидали скорой свадьбы. С замиранием сердца ждали, сговорятся ли молодые.

– Шуру сегодня видел. – Игнат повернул голову в сторону брата. – Отца её.

– Где? – Фёдор покосился, но взгляда от дороги не отвёл.

– Случайно, на пробежке… Что за человек её отец?

– Александр-то? – Александра Александровна, выходит, Шура Ермолина. – Злой человек, нехороший.

– Бьёт Шуру? – прямо спросил Игнат, не выходила из головы сжавшаяся девичья фигурка и узловатые кисти папаши.

Избиение женской половины старшим мужчиной семейства – явление в патриархальной среде нередкое, удивляться нечему, сами же женщины зачастую поощряют такое мракобесие. Как считали Игнат и его отец, и как поясняла мать, рукоприкладство – дело постыдное, греховное. Нет таких указаний в писании на это, но тот, кто жестокость в сердце носит, всегда найдёт оправдание своим злодеяниям.

– Битыми ни сестёр Ермолиных, ни мать их, покойницу, никто не видел… – спокойно ответил Фёдор, не сказав «нет».

Фёдору ли не знать, что побои не всегда оставляют синяки. Закрытый образ жизни, длинные одежды скроют почти любые следы, а что не скроют – люди не заметят, глаза отведут, промолчат.

– Умерла, выходит, мать?

– Что-то шибко много ты Александрой интересуешься, – Фёдор вскинул густые брови, посмотрел прямо на брата, отчего у того пошли по спине колкие, нехорошие мурашки.

Действительно, Игнат непростительно много интересуется девушкой родного племянника. И это то, что на виду, вслух, а узнай родные о мыслях похотливых, когда взгляд невольно скользит по ладной фигурке – от семьи отлучат.

– Да я не… – стушевался Игнат.

– Понимаю, просто любопытно, – будто подсказал Фёдор, Игнат быстро кивнул соглашаясь. Брат продолжил сморщившись, будто уксуса хлебнул: – Мать их умерла лет шесть назад, от кровопотери, по-женски. Пока скорая по снегопаду приехала, всё было кончено. В Кандалах раньше ФАП был, фельдшер работал, не велика помощь, но какая ни есть, теперь ничего нет, ближайший врач в райцентре. Старшая дочь накануне смерти матери приезжала, хотела скорую вызвать. Ругалась страшно, соседи слышали. Отец не позволил, не было благословения наставника на лечение. На следующий день дочь не послушала, позвонила врачам, только поздно было.

– Что значит «не благословил»?

Игнат, мягко говоря, сильно удивился. Старообрядец без благословения никакое дело не начнёт, ни свадьбу играть, ни ребёнка крестить, ни оплакивать покойника не станет, ни

лечиться, ни переезжать – ничего. Однако, у обычных общинников, не отшельников, даже в стародавние времена были послабления, что говорить про современность. Игнат не слышал, чтобы где-то наставники накладывали запреты на лечение, тем более на спасение жизни.

– Не кипятись, – примирительно проговорил Фёдор. – Не было в те дни наставника в Кандалах, никто не ожидал… Крепок верой Александр, не мог без благословения к жене подпустить врачей.

– Понятно, – сдержался Игнат, оставил свои мысли при себе.

«Крепок верой» – синоним фанатизма? Зачем же этот крепкий верой человек семью создавал, с женщиной жил, детей рожал? Подался бы в скрытники, как часто поступают те, кто ищет божьей благодати, стремится отойти от мира, погрязшего в грехах. Для них существуют скиты, на них исконная, истинно христианская вера держится. Мирскими заботами обзавёлся – отвечай по совести, по людским и божьим законам.

– С тех пор Александр словно ополоумел. Всегда злобным был, волком на людей смотрел, слова доброго за всю жизнь никому не сказал, сейчас и вовсе вызверился. Что он дочерям своим в горячности кричит, лучше честному человеку не слышать, уши и мысли не осквернять. Старшая носа в Кандалы после похорон матери не показывает, отец отлучил. Средняя по кривой дуге обходит родительский дом, отца увидит, на другую сторону дороги перебегает, свекровь её, которая никогда верующей не была, крестится в испуге, как свата видит. А Шура с ним живёт… Пока.

– Слушай, это ведь ненормально. – Игнат потёр переносицу. – Существуют власти, полиция, наставник это ваш, наконец…

Игнат сам не заметил, как вслух отделил себя от общины.

– Что власти сделают? Полиция? – Фёдор сделал вид, что не обратил внимания на реплику брата. – Преступления никакого нет. Перед властями Александр чист, закон не нарушает. Семейные конфликты – дело личное.

– А что девчонка от одного окрика папаши родного в ежа перепуганного сжимается – нормально?

– Не вечно ей с отцом жить, выйдет замуж… – растерянно пробормотал Фёдор.

– Я б тоже от такого папаши замуж вышел, сломя голову побежал бы, – не забыв ввернуть нецензурное словечко, психанул Игнат.

«Закон не нарушает», «преступления нет»… Дорога одна – замуж, а повезёт ли с мужем – вопрос открытый. Статистика неумолима: дочери отцов, злоупотребляющих психологическим и физическим насилием, находят точно таких же мужей. Продолжают вековую традицию.

Угораздило же тебя, Александра Ермолина, Шура, в родные Кандалы вернуться. Лучше бы в миру осталось, засосы гепариновой мазью сдабривала.

В сердцах Игнат выругался так, что у самого же уши завернулись, несмотря на боевой опыт офицера, для которого крепкое словцо не оскорбление, а мотивация и доступная форма скорейшего донесения информации до мозга подчинённых.

– Иди проветрись. – Фёдор остановил автомобиль посредине дороги, с двух сторон которой надвигалась тайга.

– Ты чего?

– Погуляй, я сказал, – гаркнул брат. – До дома недалеко, километров пятнадцать, как раз времени хватит подумать над словарным запасом. Медведя увидишь, кричи на него.

– Чего кричать? – уставился Игнат на Фёдора. Ни тайгой, ни медведями его не испугать, поведение брата откровенно удивляло.

– Чего хочешь, то и кричи, только один раз. Два раз прокричишь – беги к ближайшему дереву, лезь наверх. Или на столб электрический со ступеньками металлическими. Вдоль дороги стоят, видел? На него забирайся и звони. Наверху связь как раз ловит. Приедем с мужиками, отгоним Потапыча.

– Офигеть! – ещё раз матюгнулся Игнат, тут же выскочил из машины, от греха подальше. Уж лучше медведь, чем взбесившийся Фёдор.

По пути в Кандалы медведя не встретил. Летом у сытого хозяина тайги есть дела интереснее, чем офицеришку возле населённого пункта гонять. Медведица с потомством тем более от человеческого жилья подальше держаться будет, да и волкам есть чем заняться. Белок встретил, куниц, муравейники в человеческий рост, птиц. Опасных для человека зверей – нет. Мошка только достала и беспричинный смех разбирал.

Получил нагоняй от брата. Плевать тому, что Игнат – боевой офицер, награды имеет, заслуги перед отечеством. Спасибо, что штаны не стащил, по дедовской методике крапивой не отходил.

Глава 7

Игнат остановил Патриот у ворот дома Фёдора, заглушил, уставился в лобовое стекло, щурясь на полуденное солнце. Покосился на боковое зеркало, тот же пейзаж: убегающий проулок с зарослями крапивы и полыни у заборов. Захотелось ударить головой об руль, разбить лобную кость, вызвав у себя амнезию.

Подобных фейспалмов в жизни Игната ещё не встречалось. Разное было, всякого хватало, но такого… Расставаниями с женщинами его ни удивить, ни расстроить, казалось, невозможно. Бросал он, бросали его, второе, к слову, чаще. Мало кому нравились многомесячные командировки, ожидания редких звонков, понимание, что вместо вестей от собственного мужчины можно получить сообщение о гибели этого самого мужчины.

Ждать – удел жены военного. Ждать с бесконечных учений, ждать из опасных командировок, ждать, ждать, ждать… Женщинам надоедало ждать, ему надоедали женщины, которые ждали. Исключение одно – Ритка. Она не надоедала, но ведь и не ждала. Вернее, когда-то давно пыталась, но быстро сообразив, что никому её жертвенность не нужна, приняла правил Калугина.

Жизнь ответила Игнату симметрично, от всей души. Утром, не успел он отдышаться после пробежки, турника, ледяного душа, пришла Люба. Чинно поздоровалась с семейством Фёдора, перекинулась дежурными фразами с Полиной, попросила выйти Игната для разговора.

Он, конечно, вышел, не подозревая ни о чём. Как такое заподозришь?!

– Уезжаем мы с Кирюшкой, Игнат, – помолчав с минуту, произнесла Люба.

– Куда? – опешил Игнат.

Свадьба через неделю, завтра приезжает его родня, послезавтра – её.

– В Новосибирск, домой. Не держи зла на меня, Игнат Степанович, уезжаем мы.

Игнат сразу понял, что уезжает Люба не за свадебным платьем, тортом, бутоньеркой, любой другой надобностью для торжества, а просто уезжает. От него. Бросает.

– Я тебя обидел? – Игнат нагнул голову, посмотрел внимательно на Любу.

Косметике не удалось скрыть, насколько паршиво та выглядела, явно не спала всю ночь. Красные, воспалённые глаза со следами долгих слёз, отёки, потрескавшиеся губы.

– Нет, дело не в тебе, дело во мне…

Сколько раз Игнат сам произносил такие слова? Три раза, пять, десять? Не вспомнить, даже если как следует напрячься. Дежурная отмазка: дело не в тебе, дело во мне.

– Люб, давай начистоту, что я сделал? Я не телепат, не экстрасенс, скажи, что не так, я исправлюсь.

– Говорю же…

– Говори, – одёрнул он.

– Ты не понимаешь…

– Я не понимаю! – Он широко развёл руки, скрывая раздражение.

В конце концов, Люба та женщина, с которой он собирался прожить остаток жизни, значит, должен принимать любые её заходы, учиться лавировать в дебрях дурного настроения. Она не робот, а живой человек, к тому же женщина – гормональные всплески гарантированы. Нужно учиться договариваться, проговаривать обиды, недоразумения словами через рот. Просто. Договариваться. Словами. Через. Рот!

– Не в тебе дело, поверь. Я вообще не хочу больше замуж, ни за кого. Не могу.

– Бывшего любишь? – Игнат поднял брови, прикрыл глаза, давая себе зарок не материться. – Я себя любить не прошу, – пришлось изрядно постараться, чтобы подавить вспышку раздражения и спокойно продолжить, не повышая голоса: – Мне нужна жена, семья. Тебе необ-

ходим мужик рядом, который позаботится о тебе, Кирюшке. Обеспечит вас материально, поддержит морально. Не наигралась ещё в любовь?

– Наигралась, по самые уши наигралась, – отчеканила Люба. – В том-то и дело, что наигралась и в любовь, и в замужество. Не хочу больше, не могу. Лучше всю жизнь одной с сыном, чем снова замуж.

– Да что случилось-то?! – вырвалось у Игната, сдержать эмоции не удалось. – Люба?

Посмотрел внимательно на застывшую истуканом женщину. Напряжённые плечи, сжатые до белизны губы, красные глаза. Сумасшедший дом какой-то. Невольно потянулся, захотел прижать к себе, прошептать, чтобы выбросила глупости из головы. Поцеловать в краешек губ, щёку, убрать выбившуюся прядь за ухо. Люба отпрянула, дёрнулась как от удара, остановилась силой воли, мгновенно спрятала во взгляде испуг, как шторой задёрнула, вернув взгляду наигранное спокойствие, застыла.

– Бил он тебя, – не спросил, утвердил Игнат.

– Наказывал, – спокойно ответила Люба. – Как мужу положено.

Кем положено, уточнять не стоило. Муж – глава семьи, ему ответ держать перед миром, людьми, с него главный спрос за детей, жену, семью. Вовремя поддержать, наказать – его прямая обязанность издревле. Вот только многие понимают слово «наказать» через задницу, как написано в Википедии – «применение каких-либо, правовых или неправовых, неприятных или нежелательных мер в отношении человека» – или, как дошло до недалёких умов из «Домостроя», написанного в шестнадцатом веке.

– Наказание, Люба, происходит от слов «казати», «кажем». Говорить, дать наказ, а не по лицу. Зачем мне бить тебя? – Игнат посмотрел на свои руки. Сильные, тренированные, умеющие убивать, последнее – не фигура речи. – Я никогда не ударю тебя.

– Все так говорят, – поморщилась Люба. – Прости, Игнат Степанович, не пойду я замуж. Уезжаем мы с Кирюшкой.

– Зачем цирк с заявлением, свадьбой устроила?

Спрашивать, зачем в койку с ним легла, не стал. Не маленький, знал ответ. Живой человек, страстная, чувственная женщина, истосковалась по мужской ласке, не устояла, хотя получить отворот поворот после пары занятий любовью – удар по мужскому самолюбию, даже такому зашкаливающему, каким порой грешил Игнат.

– Отца послушала, угодить хотела, но не могу. Как вспомню, потом холодным покрываюсь, в дрожь бросает, трясти начинает. – Люба протянула вперёд руки, которые действительно мелко дрожали. – Не получится у нас с тобой жизни. Прости.

– Дело твоё, неволить не стану. – Он спокойно пожал плечами, игнорируя то, что растекалось внутри: недоброе, колкое, болезненное. – Когда уезжаешь?

– Такси вызову и поедем. Я попрощаться зашла, прощения попросить.

– Я отвезу, – кивнул он. – Прощения просить не за что. Ты свободный человек, знаешь, как лучше тебе и сыну. Не сложилось, значит, не сложилось.

Отвёз на станцию. В дороге больше молчал, кошки на душе скребли, драли изнутри, но уговаривать, лишнего обещать не стал. Сказал только, что у него неплохие знакомства в Новосибирске, может помочь с работой, садиком, почти с любым вопросом, пусть Люба не стесняется, обращается, если понадобится. Зла он держать не будет, поможет.

На прощанье сухо поцеловал, потрепал Кирюшку по светленькой макушке и был таков. Дожидаться отхода поезда не стал, ни к чему долгие проводы. Расстались по-человечески, на том спасибо.

Пётр Барханов проводил Патриот, в котором уезжала Люба с Кирюшкой, злобным взглядом, не обещающим ничего хорошего бывшему жениху. В его мировоззрении женщина, тем более его дочь, не могла сама отказаться от замужества, если случилось, значит, обидели её, сильно обидели. К тому же опозорили на все Кандалы. Только ленивый не готовился поглазеть

на свадьбу дочери Барханова с Калугиным Игнатом, и такой же ленивый не знал, что всё у молодых случилось до свадьбы. Дело нехитрое, не грешное в современном мире. Любаша – не юная девушка, разведённая, с дитём, женская природа своего требует. Никто не осуждал, но только до того момента, пока свадьба не расстроилась. Сейчас же каждая собака разнесёт, что Игнат невесту опробовал, а после отказался.

Елена Ивановна скорбно утирала уголком носового платка глаза, покачивая осуждающе головой. Кого осуждала? Точно не родную дочь… И вряд ли первого зятя, которого бы «наказать» в тёмном переулке, да так, чтоб травматологи долго собирали пазлы из раздробленных костей… Его осуждала – Калугина Игната.

Загнал машину за ворота, вышел, потянулся, разгоняя застывшие от нервного напряжения мышцы, направился в дом. Что, женился на «своей»? Хорошо, что никому из сослуживцев, друзей-приятелей не рассказал о предстоящем событии. Не дал повод для бесконечных подколов на ближайшие годы. Игнат не против поржать над собой, обычно в первых рядах стебущихся выступал, если повод находился, но прямо сейчас было не до смеха.

– Пётр приходил, – было первое, что услышал Игнат, когда вошёл в дом.

Фёдор стоял посредине гостиной, пахнущей натуральным деревом, смолой, и буравил взглядом брата.

– Чего сказал? – дежурно поинтересовался Игнат.

– Ничего хорошего, – подтвердил мысли Игната Фёдор. – Что ты Любе сделал, что она в одно утро собралась?

– Ничего, – огрызнулся Игнат.

– Если бы «ничего», не сбежала бы, – резонно отметил Фёдор.

– Говорю же, ни-че-го. Её муж «наказывал», а я крайним остался, – раздраженно бросил Игнат.

– Федя, отстань от человека, видишь, и без твоих слов тошно ему. – Полина подошла неслышно к Фёдору, протянула руку к Игнату, погладила, как ребёнка, по плечу. – Ничего, Игнат, познакомишься ещё с кем-нибудь, – она улыбнулась, – вон, какой завидный жених.

– Спасибо, – усмехнулся Игнат. – Думаю, хватит с меня цирка, не по мне канитель с договорённостями. Есть у меня с кем ЗАГС сходить, – улыбнулся он, вспоминая Ритку.

Она-то точно заполучить преимущества жены полковника ФСБ не откажется, холодным потом не покроется, не затрясётся, лишь краше станет.

– Разведёшься, – осуждающе качнул головой Фёдор. – Помяни моё слово.

Ритка не была тайной для Калугиных, Игнат не скрывал своих отношений с врачом из медсанчасти. Все знали, чья она женщина, с кем встречается – это было давно, на заре карьеры Игната. Теперь Ритка исчезла с радаров семьи любовника, трудилась в частной клинике, никак не пересекаясь с Калугиными. Игнат помалкивал, с кем время от времени проводил отпуск, не рассказывал, на кого тратил круглые суммы. Ни в одобрении, ни в осуждении со стороны родни не нуждался, тем не менее, присутствие в его жизни Ритки тайной ни для кого не было.

– Разведёшься? – все трое услышала от дверей звонкий голосок Даши. – Что такое разведёшься?

– Ты разве не знаешь, что нельзя подслушивать, когда взрослые разговаривают? – мягко ответила Полина. – И… – хотела что-то добавить, но Даша перебила, не дав договорить, повторила вопрос.

– Перебивать тоже нельзя, – нахмурился Фёдор. – Дарья, подойди сюда. – Даша, понурив голову, двинулась к папе. – Ты забыла, как нужно себя вести?

– Не-е-ет, – покачала головкой малышка.

– Отправляйся в свою комнату, посиди и подумай над своим поведением. Играть не разрешаю.

– Папа, – заканючила кроха.

– Иди, – улыбнулся Фёдор. – Мы обязательно помолимся о твоём хорошем поведении, – добавил он, и Даша заметно приободрилась.

К обеду собрались за общим столом. Отъезд Любы не обсуждали, не при детях разговаривать на «взрослые» темы. Игнат не видел ничего плохого в том, чтобы удовлетворить любопытство Даши, объяснить в меру её понимания. Поговорить с Машей, рассказав, что в жизни всё намного сложнее, чем в их тесном, закрытом мирке, может быть, честные беседы уберегут от зла надёжнее, чем сокрытие этого зла. Но это не его дети, не его мир, и зло тоже не его…

В просторной прихожей, называемой здесь сенями, громыхнула дверь. Фёдор поднял взгляд от тарелки, вопросительно посмотрел на Полину, та ответила точно таким же взглядом. Лёша встал, отправился ко входной двери, где и застыл, подняв руки, потом сделал несколько шагов вглубь помещения, пятясь назад.

В грудь Алексея упирался длинный ствол охотничьей двустволки, простой и надёжной, ижевского завода, проверенного временем и не одним поколением охотников. Держала дробовик девушка. Уверенно держала, правильно. Не так, как привыкли Игнат и Фёдор после многолетней военной муштры: локоть прижат к рёбрам, плечо поднято к уху, – а так, как учат коренные охотники. Рука согнута в запястье, кисть и пальцы, кроме вытянутого вперёд указательного, составляют угол в вертикальной плоскости, равный примерно семнадцати градусам, и двенадцати в горизонтальной. Положение, которое обеспечивает максимальную свободу движения в любом направлении.

– Настя? – Фёдор потихоньку встал, поднял Дашу и Максимку на руки, передал перепуганной Полине, показывая взглядом, чтобы та не шевелилась.

– Не двигайся, Фёдор Степанович, и брат твой пусть тоже сидит на месте.

– Поговорим? – Фёдор не шевельнулся, как и было велено. Игнат последовал его примеру.

– Ты меня знаешь, рука не дрогнет. – Настя демонстративно ткнула Алексея стволом.

– Чего ты хочешь? – спросил Фёдор.

– Хочу, чтобы твой сын женился на Шуре, – спокойно ответила гостья. – Он, что же, думает, раз матери у неё нет, заступиться некому? Некому? – прикрикнула она, уставившись на Алексея.

Лёша молча, сверху вниз смотрел на Настю, никак не выражая эмоции. Железная выдержка у парня, сразу видно, чья кровь бежит по венам.

– Что он сделал? – Фёдор коротко глянул на сына, потом снова посмотрел на Настю.

– Его и спрашивай, – ответила та, ещё раз надавив стволом на грудь Алексея, заставляя отступить от двери и окна. Молодец какая…

– Ничего я не делал, и жениться ни на ком не собираюсь, – спокойно проговорил Алексей.

Настолько спокойно, словно в грудь не упирался дробовик, один выстрел которого может покончить с его жизнью без крошечного шанса на спасение. Неизвестно, чем заряжен патрон в стволе, на утку, лося или медведя. Выстрел в упор – мгновенная смерть.

– Я тебя предупредила, – так же спокойно ответила Настя, посмотрев на Алексея. – Люди просто так говорить не станут, Лёша, а они говорят, много говорят.

– Пусть говорят, – упрямо ответил Алексей.

Полина заметно всхлипнула, с трудом сдерживая плач.

– Настя? – обратился Игнат к пришедшей. – Отпусти Полину с детьми, зачем тебе лишние жертвы.

– Дарья с Максимкой пусть идут, а Полина с Машей останутся.

– Зачем тебе Полина с Машей?

– Затем, что не успеешь оглянуться, как из ремингтона[10] Фёдора меня на мушку возьмут.

[10] Ременгтон – помповое ружье Remington.

Дикий Запад, а не Кандалы. Не хватает парочки салунов с жрицами любви в расшитых панталонах и платьях-канкан. Впрочем, каждый первый мужик здесь охотник, женщины зачастую владеют искусством стрельбы лучше любого городского гражданского, при случае и марала завалят, про мелкую дичь говорить нечего. Жизнь…

– Так что Алексей сделал-то? – продолжил Игнат.

Проводил взглядом степенно уходящую Дашу, которая вела за руку ничего не понимающего Максимку. Фёдор молчал, заметив, что на контакт с братом Настя идёт охотней. То ли меньше опасалась, то ли необъяснимо симпатизировала – сразу не разобраться.

– Говорят, встречается с ней ночами, – заявила Настя, подчеркнув «ночами», давая понять, что вряд ли люди подозревают молодёжь в греховном поедании мороженого. – Сегодня доброхоты отцу рассказали, я своими ушами слышали. Он домой пошёл, а я сюда. Или ты на ней женишься, или я тебя убью! – Она перевела взгляд на продолжавшего молчать Алексея. – Если он её хоть пальцем тронет, имей в виду, если я тебя не убью, сама Шура прикончит. Она белку бьёт, шкурку не задев, ты знаешь.

– Это как? – якобы удивился Игнат.

– Из мелкашки[11], когда из-за веток видна только голова, в неё и попадает.

– Попадает белке в глаз с пятидесяти метров?

– Именно.

– Плевать мне, кого она бьёт, – подал голос Алексей. – Я ни в чём не виноват, жениться не собираюсь.

– Убью.

– Убивай.

Фёдор дёрнулся, Полина, не в силах сдерживать эмоции заныла, перепуганная Маша заревела навзрыд. Игнат сделал несколько шагов в сторону Насти, которая сжала губы и не отводила напряжённого взгляда от стоявшего истуканом Алексея. На чистом девичьем лбу, у висков, проступили синие венки, такие же были видны на кистях рук.

Хлопнула дверь, Настя вздрогнула всем телом, руки же при этом оставались недвижимы, будто существовали отдельно. Игнат не знал, может ли Шура «попасть белке в глаз», но то, что эта девушка, Настя, может одним выстрелом завалить медведя – не сомневался.

В следующее мгновение по Настиным рукам ударили, саму девушку скрутили заломив. Ружьё мгновенно перехватил Игнат, Фёдор подлетел к Алексею, рефлекторно отталкивая здоровенного сына, но всё же своего родного ребёнка, в сторону матери. Полина держала ревущую Машу, сама не переставая лить слёзы.

– Ты как здесь оказался? – спросил Игнат Михаила, который всё ещё держал притихшую Настю. – Откуда узнал? – показал он глазами на «террористку».

– Чего узнавать-то? Сашка Ермолин пошёл домой после новостей о Шуре с Алексеем, а Настя со свахой сюда. – Михаил посмотрел на дробовик.

Хороша сваха, нечего сказать – главное, не поспоришь. Аргументированно сватает – любо-дорого глянуть.

– Что же мне с тобой делать, Настя? – Фёдор присел так, чтобы посмотреть в глаза гостье, которую продолжал удерживать Михаил.

– Что хочешь, то и делай, Фёдор Степанович, только знай: обидит отец Шуру – не жилец твой Алексей.

[11] Мелкашка – мелкокалиберная винтовка.

Глава 8

Сидели в гостиной. Фёдор в широком кресле, устроив ладони на деревянные боковины, словно восседал на троне. Большак, как сказали бы в старину. Алексей примостился на табурете, таком же основательном, как и вся мебель в доме. Полина устроилась в точно таком же кресле, как и муж. Обхватив голову руками, она раскачивалась из стороны в сторону. Михаил упал на диван, усадив рядом Настю, крепко обхватив рукой – не шелохнёшься. Руки у Михаила, как у любого лишённого ног, были на редкость крепкими, не круглые сутки он на протезах, по дому управлялся в инвалидном кресле или «своим ходом». Машу отправили к детям, велев носа не высовывать, пока не позовут. Игнат же стоял в дверном проёме, сложив руки в замок.

Что за день-то сегодня? Люба уехала, невольно настроив половину села против него, племянника чуть не пристрелила сопля из двустволки.

– Что скажешь, Алексей? – Фёдор поднял смурной взгляд на сына, Полина всхлипнула.

– Ничего говорить не буду, – в очередной раз ответил Лёша, глянув исподлобья на отца и с какой-то отчётливо читающейся жалостью на мать.

– Я тебя предупреждал? – повторил Фёдор. – Предупреждал?! – гаркнул со всей немалой мощью.

– Феденька! – воскликнула Полина.

– Поля, ты посмотри, что натворил этот олух! Ославил девушку на весь белый свет, себя ославил, меня, тебя, сестёр. Чего смотришь? – Он посмотрел в упор на сына. – Вставай, пойдём Шуру сватать, пока её отец не пришиб.

– Не пойду, – глухо ответил Алексей.

– Лёша, разве можно так?! – взвилась Полина. – А если с Машей так же поступят? С Дарьей?

– Голову проломлю, – буркнул в ответ Лёша.

– Твоих сестёр трогать нельзя, а Шуру, значит, пожалуйста?! – Настя попыталась вскочить, получилось лишь неуклюже дёрнуть ногами. Михаил держал крепко, не вывернешься.

– Не буду я жениться на Шурке. – Лёша зыркнул на родителей, перевёл упрямый взгляд на каждого из дядьев по очереди, задержался на Насте, ей и продолжил говорить: – Я Шуру пальцем не тронул, ни в чём не виноват и жениться не стану.

– Люди зря не говорят… – упрекнула Настя.

– Люди постоянно что-то говорят. Когда ты замуж выходила, говорили, что у тебя «брюхо на нос лезет». Ты вроде не слониха, два года беременной ходить, чего же не родила, раз «люди зря не говорят»? – выдал непривычно длинную тираду Лёша.

– Глупости не мели, – перебил сына Фёдор. – Отцовское слово слушать будешь, или силком тащить?

– Я отцовское слово слушаю, только жениться на Шуре не стану.

– Лёша! – снова заплакала Полина, бросив взгляд на Настю.

Кто знает, что придёт в голову этой сумасшедшей девчонке, вдруг и правда пристрелит Лёшку, как белку, не успеет тот вытащить голову из кустов. Не она, так сама Шура, а не Шура – отец её, который, судя по всему, не в себе.

– Что Лёша? – поднялся Алексей. – Не женюсь я на Шуре. Я пальцем её не тронул, даже мыслей таких не было! Откуда я знаю, почему про меня с Шуркой говорят, может, видели её с кем-то, перепутали. – Он развёл руки, точь-в-точь, как отец. – Какого беса мне на какой-то Ермолиной жениться, если у меня девушка есть!

– Лёша! Алексей! Ну, Лёшка! – смешались в один гулкий выдох возмущённые, удивлённые, восторженные голоса домочадцев.

– Ты почему не говорил, что у тебя девочка есть? – всплеснула руками Полина, Игнат едва сдержался, не прокомментировал материнское невинное «девочка». – В гости пригласил бы, познакомил нас.

– Куда? – Лёша посмотрел на Полину, тут же отвёл взгляд. – Испугать, если только, – он не сумел сдержать усмешки, хоть и постарался спрятать.

– Если греха нет, то и бояться нечего, – зычно проговорил Фёдор, у Игната невольно выступили мурашки на руках, приподнимая волоски.

«Нечего бояться»… В Кандалах очередную публицистическую развесистую клюкву о староверах можно снимать: мужики в косоворотках, с бородами-лопатами, женщины в юбках в пол, с покрытыми головами, послушные, богобоязненные дети, не смеющие нарушить отцовский наказ. Для красочности стоит достать дедовский карабин, припрятав современную сайгу[12], выкатить прогнивший тракторёнок, хмуро смотреть в камеру, рассказывая небылицы, которые хотят услышать зрители.

Современной девушке, далёкой от религии, испугаться недолго, если уж у Игната волосы нет-нет, а встают дыбом от вида Фёдора, его голоса, рассуждений, крутого нрава. Прав Лёшка, на все сто процентов прав – нечего здесь обычной девчонке делать. А была бы не обычная, «своя», не скрывал бы племянник подругу сердца.

– А если есть? – повернулся в сторону отца Лёша, встречаясь с хмурым взглядом.

– С грехами потом разберётесь. – Игнат сделал шаг вперёд, посмотрел на Фёдора, мысленно осаживая, только прилюдного конфликта между отцом и сыном не хватало. Настя – посторонний человек в доме. – Что ты Алексея убьёшь, мы все поняли, – не дожидаясь реакции брата, повернулся он к Насте. – Как отец поступит с Александрой? Что сделает?

– Ничего хорошего, – со злостью огрызнулась Настя. – Блуд – грех великий.

Игнату показалось, что у него лопнет голова от бесконечного упоминания греха. Всё вокруг грех. Один неровный взгляд, незначительный проступок, шальная мысль на грани яви и сна – не спасёшься. Хотелось заорать на весь мир, только не поминать бесов, как сделал племянник, а крыть отборным матом на всю округу, чтобы медведи передохли.

Грех… Грех. Грех! Сколько можно-то?

Когда же ёж этот, Александра Ермолина, Шура, нагрешить-то успела?! Целовалась с кем-то? За грудь дала подержаться? Или того хуже, невинности вне брака лишилась? Если бы Бог хотел создать людей безгрешными – они бы имели способность к самооплодотворению, как нематоды – половая принадлежность червей динамична, зависит от обстоятельств.

– Уехать она сможет?

У Игната мелькнула мысль, что стоит помочь девушке, минимум деньгами и связями: снять квартиру на первое время, устроить на работу, перевести денег, чтобы могла продержаться, пока на ноги не встанет. А она встанет – сомнений нет. Разваливающуюся на ходу Ниву водит, «белке в глаз попасть» может, такие девчата не пропадают ни в тайге, ни в городе.

Фёдор, естественно, может надавить отцовским авторитетом, Полина слезами, страхом, никуда Алексей не денется – отправится в ЗАГС, как телёнок на привязи. Кому нужны такие жертвы? Всё равно семьи не получится, переломают друг другу жизнь, переломят через хребет характеры.

– Нет, отец не позволит, – ответила Настя.

– Не ослушается? – зачем-то уточнил Игнат.

Настя покачала головой, глубоко вздохнув. Не ослушается, значит…

Как же ты так неосторожно, Шура?

– И как сказал Омар Хайям… – Игнат пропел про себя продолжение набившего оскомину хита. – Вставай, пойдём Шуру сватать, пока её отец не пришиб, – повторил он слово в слово

[12] Сайга – самозарядный гладкоствольный карабин с укороченным стволом.

то, что несколько минут назад сказал Фёдор. – Михаил, с нами пойдёшь? Похоже, женюсь я всё-таки.

– Дело хорошее, – степенно ответил Михаил.

– Дядя Игнат… – пролепетал Алексей.

– Игнат, Игнат. Передумал если – говори сейчас. Назову своей, в её сторону глянуть не посмеешь. Понял меня?

– Понял. Но как же так?..

– Каком кверху! – не выдержал Игнат. – Передумал? Сам женишься?

– Нет!

– Вот и хорошо. Пойдёмте, а то пока размусоливаем, правда изувечат девчонку.

Отправились на другой конец села «сватать» под любопытные взгляды односельчан. Шли втроём с братьями, позади понуро плелась Настя. Что творилось в голове у безумной девицы, Игнат предположить не мог. Фёдор припрятал оружие, с которым та заявилась в его дом, и на том спасибо.

Весть о событиях в семействе Калугиных разлетелась по Кандалам быстрее скорости света. Никто ничего не знал, кроме того, что Игнат отправил дочку Барханова восвояси, а Настька Еромолина пошла Лёшку убивать из ружья свёкра. Версий и любопытствующих взглядов было столько, сколько не каждая рок-группа соберёт. Высыпал народ на улицу, как на ярмарку, перешёптывался, показывал пальцами, не стесняясь.

Дом Ермолиных оказался небольшим, как у многих обшит сайдингом, старая крыша из шифера, тех же годов забор из штакетника. Перед домом красовался усаженный цветами палисадник, к крыльцу вела намытая дорожка из досок.

Сени освещала единственная тусклая лампочка, вдоль стены стояла крепкая лавка, покрытая клетчатой клеёнкой, на ней – пара вёдер с водой под крышками, ковш дном кверху, литровая кружка, прикрытая картонкой.

– Хозяева? – позвал Фёдор, когда переступил порог, потянув дверь за вторую ручку, для пришлых.

Для крепкого верой хозяина дома, а это бросалось в глаза любому, знающему традиции старообрядчества, Фёдор – пользующийся интернетом, другими благами цивилизации, – чужак. Проявить уважение к хозяину – половина успеха.

– Зачем пожаловали? – в дверном проёме появился Александр Ермолин собственной персоной, одёргивая фланелевую, видавшую виды рубаху.

– У вас товар, а у нас купец, – зачем-то ляпнул Игнат, мысленно отвесив себе подзатыльник.

– Проходи, коль не шутишь, – ответил Ермолин, глядя на Фёдора, присутствие Михаила, тем более Игната проигнорировал. – Чего мнёшься, заходи, – кинул Насте, которая пряталась за мужскими спинами.

Фёдор коротко кивнул, скрылся за дверью, Настя поплелась следом. Игнат с Михаилом остались на пороге – и без того пустили дальше, чем можно ожидать. Через десять минут, которые, казалось, не закончатся никогда, выглянул хозяин дома, пригласил жестом оставшихся в сенях гостей.

– Ну, рассказывай, кто таков? – смуро посмотрев на Игната, проговорил Ермолин, показав пальцем на стул за столом, покрытым точно такой же клеёнкой, как и лавка в сенях.

Пришлось сесть, не скрывая, назвать должность, звание, примерно род занятий. Имя, фамилию, место жительство, возраст, всё, что может быть важно в таком случае, к которому, по большому счёту, Игнат готов не был. Для чего ему это «сватовство», зачем брак с Шурой – по сути, девчонкой несмышлёной?

Жениться он собирался, но на женщине с мозгами, опытом, на той, с кем можно договариваться о совместном существовании, точно не на соплюшке, которая от злых языков убе-

речься не смогла. Неужели в царстве тайги не найти кустов укромней, чтобы интим прошёл шито-крыто? Здесь каждая вторая пара прошла «крещение» комарами в голую задницу под раскидистым деревом, а первая в трусах друг у друга побывала, несмотря на сплетни и запреты.

– Женишься, значит? – почесал переносицу Ермолин, смотря в упор на Игната. – Зачем тебе Шурка моя, вроде говорили, на дочке Барханова женишься?

– Уже нет, – спокойно ответил Игнат и честно ответил: – Уехала Люба, отказала.

– Дело молодое, – рассудительно качнул головой Ермолин. – Значит, было за что отказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.